ПИОНЕР

Октябрь

Издательство „Правда" 1942 г.

10

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пионер

Ежемесячный детский журнал Центрального комитета ВЛКСМ

№ 10

Октябрь 1942 г.

Издательство „ПРАВДА"

«Штурм Зимнего дворца». Картина художника В. Кузнецова.

В ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 года к Смольному — командному пункту революции, где находились ее полководцы Ленин и Сталин,— собирались петроградские рабочие, революционные солдаты и матросы. В течение дня шла выдача оружия отрядам Красной гвардии и революционным войсковым частям из арсенала Петропавловской крепости. Одна за другой были заняты важные позиции вооруженного восстания: вокзалы, почта, телеграф, правительственные учреждения.

Из Смольного Ленин и Сталин послали отряды на окружение последнего оплота старой власти — Зимнего дворца. Революционный крейсер «Аврора» с Невы направил свои орудия на дворец.

Ночью с 7 на 8 ноября воины революции пошли на приступ. Зимний был взят штурмом. Революция победила.

В 10 часов 45 минут вечера 7 ноября в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. С трибуны съезда Ленин сказал:

«Отныне наступает новая полоса в истории России...»

Так родилась советская власть, та власть, которая сделала нашу родину свободной, могучей, культурной и богатой. И завоеваний ее мы не отдадим!

Гос. Публичная Библиотека

П 29
34

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Лев Кассиль

История человечества насчитывает много десятков веков. Но не было еще на памяти людей времени более прекрасного и дерзновенного, чем четверть столетия, прожитая нашей страной с октября 1917 года до наших дней.

Двадцать пять лет назад пушка крейсера «Заря свободы», прежде звавшегося «Авророй», ударила по Зимнему дворцу в Петрограде. Революционные солдаты, рабочие, матросы, красногвардейцы взяли штурмом бывшее жилье царя, в котором засели министры Временного правительства капиталистов и помещиков. Красный флаг Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов поднялся над Питером. И Россия стала Советской страной — государством труда, разума и великих человеческих свобод. Ленин подписал первые декреты новой власти. Народ стал хозяином всей земли, всех заводов и фабрик, кораблей и железных дорог, нефтяных источников, каменноугольных шахт и золотых приисков. Отныне все это стало достоянием народа. Отныне запрещалось кому бы то ни было заставлять людей работать ради чужой выгоды. Отныне каждый работал на всех и все работали на каждого.

Так государственным законом стало то, что много столетий было заветной мечтой самых смелых и лучших людей.

Двадцать пять лет живем мы по этим справедливым законам. Двадцать пять лет существует на свете великая страна, где все принадлежит народу, где каждый, кто работает, уверен, что никто у него не посмеет отнять то, что добыто честным трудом.

Как же не гордиться нам, современникам, что эти двадцать пять лет — часть нашей собственной жизни, полной труда и борьбы, жизни, которую мы ни на какую другую не променяем? Как же не радоваться вам, друзья, что вы родились и растете в первую четверть первого свободного века нашей родины, в которой победила справедливость?

Великие дела совершены, необыкновенные перемены произошли в нашей стране за двадцать пять лет. То была трудная, удивительная и прекрасная пора.

Говорят, в минуту смертельной опасности человек, готовясь к борьбе за жизнь свою, стремится припомнить все, что прожито, сделано им, все, что особенно дорого ему. Так сейчас, в дни, когда родина наша в великой опасности, весь народ и каждый из нас с гордостью вспоминает все, что сделано, пережито, добыто нами за двадцать пять лет, все, что так дорого самим нам и так разжигает жадность врага.

Мне пришлось много поездить за последнее время по нашей большой стране. Я побывал на фронтах и в глубоком тылу, я видел, как работают и учатся сейчас советские люди, как дерутся они с врагами и на земле, и на море, и в воздухе, и под водой. И слышал я, с какой любовью и тревогой говорят они в тяжелые ночные смены, в боевых рубках кораблей и в блиндажах о самом дорогом, заветном, любимом, что есть в жизни нашей, что надо отстоять нам во что бы то ни стало.

На Уралмаше и на седом Верхисетском заводе слышал я старых рабочих.

— Народ идет своей колеей,— говорили мастера-уральцы.— Нас никакой немец на задний ход не переведет. Как порешили в семнадцатом году, так сами себе хозяева и будем. Своими руками эту жизнь заработали и отвоевали, своими руками прикончим фашистов. День и ночь работать станем, по три смены отстоим кряду, а от воли и счастья своего не отступимся, пока живы.

И стояли у мартеновских печей, в обжигающих отблесках хлынувшего металла, выдавая скоростную плавку стали, знаменитые сталевары Урала, бывшие

П. Васильев «Выступление В. И. Ленина с броневика на площади у Финляндского вокзала, в Петрограде».

красногвардейцы и партизаны, люди славной жизни и стойкого труда.

За Полярным кругом, на Крайнем Севере нашей страны, говорили мне моряки Северного флота:

— Лучше в море погибнуть, чем наш флаг в бою опустить. Мы, краснофлотцы, были первыми солдатами революции и биться готовы до последнего... Нас немец с курса не собьет.

И грудью пробивая горы бешеной воды, как припаянные к железной палубе, стояли североморцы на мчащихся в бой катерах-охотниках.

Говорили колхозники в селах близ Западного фронта, освобожденных от недолго хозяйничавших там немцев:

— Земли эти навек нам даны, в полное владение. А немец забыл, видно, что народ-то у нас с семнадцатого года поумнел, в обиду не дастся, жить привык с уважением. Не может быть нам никакой жизни при немце, не будет он у нас хозяином.

И стучали топоры плотников, ставивших новые избы в сожженном селе. И блистающий навостренный лемех плуга, выворачивая тучные краюхи земли, отшвыривал валявшуюся на пашне продырявленную немецкую каску.

В тихом кабинете беседовал со мной седовласый академик:

— Я прожил три четверти века, я в три раза старше Советской страны, но горжусь тем, что являюсь учеником ее. Последнюю четверть столетия я прожил весьма поучительно. Многому научился я за эти двадцать пять лет у народа, показавшего всем народам мира, как надо уважать и оберегать человеческий труд, как можно жить дружно людям разных языков, различного цвета кожи, но общего, равноправного счастья... Самонадеянные тупицы, фашистские лоботрясы,— на что они надеются? Запугать, что ли, нас хотят?.. Они бесчеловечно добили моего раненого сына... Они сожгли в Киеве мою библиотеку... Но наука и сознание осво-

П. Васильев «В. И. Ленин и И. В. Сталин беседуют с красногвардейцами в Смольном».

божденного народа непобедимы, друг мой.

Так говорят люди Советской страны: рабочие, бойцы, крестьяне, ученые.

— Мы недаром прожили вместе со своей родиной это историческое двадцатипятилетие, — говорят они. — Мы научились жить по новым, чудесным законам. Мы показали миру, как можно его переделать, чтобы жизнь на земле стала чище, свободнее, светлее, достойнее. Но завистливые и алчные враги в это время копили яд, обучали бездушных своих солдафонов убийству, тайно готовились превратить весь мир в свою лакейскую. И вот они напали на нас. Чад военного пожара, кровь мирных людей, черная злоба пришельцев омрачают торжественные дни двадцатипятилетия Октябрьской революции. И нам некогда сейчас праздновать, хотя нам есть что отпраздновать. И нет времени у нас для длинных воспоминаний, хотя есть нам что вспомнить.

О нашей сегодняшней жестокой борьбе говорим мы в эти дни, о будущем нашем, о вашем счастье, друзья.

Ваши школьные годы, детство ваше проходят в первое двадцатипятилетие Октября. Все сделал народ наш для того, чтобы детство прошло у вас счастливо, славно и с пользой для вашего будущего, для будущего Родины.

Немец задумал отнять у вас Родину и будущее.

Немец хочет сорвать с вас красные галстуки и накинуть вам на шею петлю, чтобы потащить вас, как скотину, к себе в прусскую усадьбу, на потеху немецким гаденышам, на смерть от голода, тоски и непосильного труда. Он хочет отнять у вас любимые книги, отучить вас от родного языка, заставить позабыть своих отцов и матерей...

Нет, друзья, не для того четверть века стоит вольная и трудолюбивая, гордая страна наша и алый флаг свободы развевается над ней. Не для того погибали на октябрьских баррикадах и в битвах гражданской войны наши отцы и старшие братья. Не для того трудился двадцать пять лет наш народ, строя новое, сметая

с пути все, что мешает людям хорошо жить и смело глядеть в будущее.

Недаром крепла и мужала двадцать пять лет наша Советская страна: у нее достаточно сил, чтобы одолеть врага.

Не повалить нас. Не вырубить топором фашистскому палачу то, что создано нашим народом. Мы отобьем занесенный топор так, что он обухом прошибет узкий лоб фашиста.

Советской стране двадцать пять лет. Вам много меньше. Но в это строгое, тяжелое время с вас тоже немало спросится. Будьте помощниками народа в его справедливой борьбе. Я видел, как работали этим летом школьники на колхозных полях Подмосковья, как проходили военную подготовку морские юнги, как славно работали ремесленники в цехах больших тыловых заводов. Я подружился с неутомимыми тимуровцами и с пионерками из санитарных кружков. Все это настоящие ребята двадцать пятого года Октябрьской революции. Лет им немного, но они живут в трудную пору, и Родине пригодилась их работа. Когда будет писаться история первой четверти века, прожитой нами при советской власти, этих ребят помянут добрыми и благодарными строками.

Держитесь же крепко, не теряйте времени даром, ломитесь сквозь трудности, не унывайте, когда приходится туго: время военное! Учитесь и будьте готовы продолжать то великое и благородное дело, которое за четверть века стало надеждой всего разумного человечества и зовется народом нашим кратко и уважительно: делом Ленина—Сталина.

Трудное время переживала двадцать пять лет назад наша страна, разоренная войной, голодная, окруженная врагами. Но советская власть спасла ее. Разутые и раздетые красноармейцы, сражавшиеся за свое государство, оказались сильнее хорошо вооруженных белогвардейцев и иностранных интервентов. Оборона Петрограда, оборона Царицына, штурм Перекопа вечно будут жить в памяти людей, как образцы высочайшего героизма.

Отбиваясь от врагов, наша страна, руководимая Лениным и Сталиным, восстанавливала в то же время свое хозяйство и вышла на широкую, светлую дорогу.

Здесь, на картине художника П. В. Вильямса, вы видите моряков и вооруженных рабочих, идущих на защиту Петрограда.

Сын корабля

Рассказ Юрия Германа *Рис. В. Цельмера*

С бьющимся сердцем, с глазами, горящими злобой, не чувствуя ни холода от ледяной весенней воды, ни холодного северного ветра, не обращая внимания на вой и разрывы мин, на пулеметные очереди, на разрывы снарядов, он первым выскочил на прибрежный песок и оглянулся: там, в море, стояли корабли и били из главных калибров по финнам и немцам, засевшим в скалах, а от кораблей к берегу бесконечно шли вельботы, баркасы, полубаркасы, катера и даже ялы — от восьмерок до четверок. Насколько хватал глаз, все море было в шлюпках: это под прикрытием корабельных орудий двигался к берегу десант, грозный, неудержимый, настоящий морской десант. Соленый морской ветер срывал с голов каски, столбы воды подымались к небу, когда разрывался немецкий снаряд, моряки иногда падали, но больше высаживались невредимыми, прыгали в студеную воду, тащили за собой шлюпки, выносили пулеметы и, быстро замаскировавшись за прибрежным валуном или досками, или просто окопавшись, начинали бить по врагу — по немцам, пытающимся перейти в контратаку и сбросить десант в море. А часть, во главе с Авдеевым, уже бежала к лощине, вперед,— к той лощине, в которой он играл мальчишкой, в которой все было ему знакомо и памятно,— а потом по лощине наверх, к поселку, наперерез немцам и финнам, чтобы не ушел ни один, чтобы все очутились в мышеловке, чтобы поймать всех.

Из лощины они вырвались, как смерч, как ураган,— черные, в поту, в крови, в копоти. Финский офицер, пригибаясь к земле, побежал к валунам, но Авдеев догнал его и сбил пинком ноги, а потом выстрелил и побежал за своими. Они лавиной двигались вперед. Финны и немцы метались как помешанные — от скал к бревнам, от бревен к скалам; здесь был обрыв, а внизу море, и Авдеев повел своих полукольцом к морю, чтобы ни один не убежал, чтобы взять всех.

Немцы и финны залегли у обрыва.

Краснофлотцы двигались полукольцом — полукольцом смерти,— медленно, шаг за шагом, без криков, молча. Справа шел Авдеев, тяжелым моряцким шагом. Галька скрипела под его коваными сапогами. Но все-таки он слабел. Ноги затекли и почти не держали, голова отяжелела, каждую секунду он мог упасть. Но, странное дело, ему хотелось увидеть корабль — свой корабль; еще несколько шагов — и он его увидит, там, на необозримом морском пространстве, под северным предвечерним небом, далеко-далеко увидит дым и пламя его орудий, увидит срезанный, особый, свой форштевень, свой флаг и, может быть, трепещущий на ветру узкий, длинный вымпел.

Рядом упал Фролов — он не оглянулся. Еще кто-то рухнул лицом в гальку.

Финны едва держались над обрывом. Они бы побежали, если бы было куда.

Тогда побежал он. Побежал, бросил гранату и лег. Охрименко сделал то же. Еще несколько гранат полетело к обрыву.

— Вперед!—крикнул он.—Вперед, вперед, товарищи!

Спотыкаясь, он бежал туда, к морю. Он почти потерял сознание, но одна мысль не покидала его — увидеть корабль, свой корабль.

Еще несколько гранат ударило по финнам. Несколько немцев, окончательно обезумев, бросились вниз, в море. Трое решили пробиться, но не пробились: под их ногами разорвалась граната.

Остальные финны подняли руки. Авдеев не подошел к ним. Шатаясь, сплевывая кровь, он шагал к обрыву. Там, за силуэтами финнов, черневших на фоне прозрачного неба, ему виделся корабль— свой корабль!

Острыми, моряцкими глазами он увидел то, что хотел увидеть, умирая: увидел узкие, красные косицы вымпела; увидел пламя и дым орудий; увидел срезанный, особый, один из тысяч форштевень. Увидел — и опустился на скалу.

Охрименко бережно поддержал его голову, а через несколько минут сестра Ариша сказала, что он не умер и что ничего особого с ним не произошло — скоро будет в порядке...

— Контузило его,— сказала она,— воды бы побольше...

К ночи он пришел в себя. Поселок был уже занят десантом, и корабельные орудия перенесли огонь дальше. Бой шел в нескольких километрах.

— Вот, не умерли,— сказала сестра Ариша.

— Да, не вышло,— виновато согласился Авдеев и спросил: Много наших побили?

— Есть некоторые.

Авдеев помолчал, потом сказал сестре, что он здесь родился и вырос. Это его родной поселок. Он тут рыбачил, учился, моряком стал.

— Вот покушайте лучше,— сказала сестра,— биографию вы мне потом расскажете. А через часок мы вас эвакуируем.

Авдеев поел и сказал, что с эвакуацией не выйдет. Попробовал встать — встать удалось. Сестра смотрела на него с любопытством. Привыкнув стоять, он попробовал пройтись, заметил в углу свой автомат и взял его в руки.

— Может быть, теперь ляжете? — спросила сестра.— Или мне надо применять силу?

Кротким голосом Авдеев сказал, что не ляжет, потому что это его родной поселок и он должен по поселку прогуляться, посмотреть, а потом сразу, ну просто-таки в мгновение, он вернется.

— Честное комсомольское? — спросила сестра.

— Честное комсомольское! — поклялся Авдеев и, выпив кружку воды, вышел.

Была ночь, белая, северная. В зеленоватом небе плыли белые облака. Справа, под обрывом, горела рыбацкая пристань. Убитый финн лежал перед домом, вперив пустые, бессмысленные глаза в небо. С воем проносились снаряды с кораблей.

Авдеев огляделся: домов не было. В горячке боя он не заметил, что домов нет; он увидел это только сейчас: не было ни школы, в которой он учился, ни кооператива, ни складов, не было сарая пожарной команды — не было ничего.

Встревоженным взглядом он обвел все вокруг себя: может быть, это не тот поселок, может быть, он ошибся?

Тяжело дыша, даже задыхаясь, он пошел от пепелища к пепелищу, от фундамента к фундаменту, от одной печной трубы к другой; нет, это тот поселок, его поселок, его родина. Тут он брал книжки — это библиотека, вот даже изразцы библиотечные. Сюда он провожал зимой Валю, а тут споткнулся и упал в осеннюю грязь, и она тоже упала — Валя. А вот его дом. Тут были отец, мать, сестра, братишка Шурка.

Он стоял перед печной трубой и думал: «Мой дом» — и даже негромко окликнул:

— Никого нет?

Там, за печной трубой, что-то шевельнулось, или ему показалось, что там шевелится. В таких случаях не следует колебаться — Авдеев дал очередь и опять прислушался. Все тихо. Тогда он пошел вокруг пепелища, возле бывшего дома, по бывшему двору. Под ноги попала мамина швейная машина, обгорелая, черная. Еще несколько шагов — и погреб. Это — все, что осталось: погреб.

Перевалившись на живот, он приложился и нажал спусковой крючок.

С трудом отворотив набухшую дверь, он спустился по ступенькам немного вниз и окликнул:

— Никого нет?

Не то стон, не то вздох послышался ему. Держа автомат наготове, он еще раз спросил:

— Кто здесь?

И, услышав явственный стон, прыгнул вниз, на мягкую сырую, скользкую землю. Тут, во тьме, несколько мгновений он ничего не видел. Но слышал стоны.

— Кто? — спросил Авдеев.

Опять никакого ответа. Тогда, держа в одной руке автомат, другой он стал шарить по сырым, осклизлым стенам до тех пор, пока не нащупал рукой плечо. Нащупал и отдернул руку: так это было неожиданно. Потом зажег спичку.

Неровное красноватое пламя осветило бледное, испуганное детское лицо, светлые волосы, кровь, дрожащие губы — знакомое, близкое лицо. Это был товарищ Шурика — Сева Петрищев.

— Севка?! — не веря себе, сказал Авдеев.— Ты что здесь? Почему?

Лицо мальчика исказилось. Сейчас не время было спрашивать. И Авдеев сказал ему, чтобы он вставал, что в поселке моряки, что он выведет его. Но Сева молчал.

— Вставай же! — повторил Авдеев.— Давай помогу.

Он взял мальчика и поднял его, как куль. Но стоять Сева не мог.

— Ты что, ранен? — спросил Авдеев.

Сева опять застонал. Тогда Авдеев взял его и потащил по лестнице наверх. Несколько раз он чуть не падал, а когда они выползли наверх, на свет, совсем близко затрещала очередь, и Авдеев почувствовал: ранен, кончено!

Мальчик лежал рядом с ним — длинноногий, окровавленный, вихрастый, изжелта-белый. Опять затрещала очередь: это, наверное, били из-за трубы, оттуда, куда он давеча стрелял. Пули впились в гнилое дерево двери погреба. Авдеев своим телом закрыл мальчика. Дышать ему было больно. Рука немела, плечо тоже. Даже автомат он не мог держать.

Еще очередь. «Кукушка» решил добить его и мальчика. Невероятная злоба перехватила его горло. Перевалившись на живот, стиснув зубы, он все-таки приложился и нажал спусковой крючок — туда, в трубу. И еще раз. И еще. Маленькие дымки отлетели от кирпича — «кукушка» молчал. В голове у Авдеева мутилось, но он встряхнулся, пригляделся и дал еще короткую очередь. Из-за трубы что-то вывалилось,

несколько секунд продержалось, вцепившись в трубу, потом рухнуло в пепел пожарища, подняв кверху тучу золы.

Немного подождав, Авдеев поднялся на ноги. Тотчас же рот его наполнился кровью, он сплюнул и зашагал, качаясь словно пьяный, волоча мальчика за собой. Идти прямо он не мог и шел согнувшись, то и дело сплевывая и отдыхая каждую минуту.

Так, почти без сил, он дотащился до сестры Ариши. Увидев его, она ахнула, но он показал ей на мальчика, а сам акуратно и осторожно лег на полу у порога и только здесь увидел, что в комнате стоит с перевязанной головой капитан-лейтенант.

— Товарищ капитан-лейтенант,— силясь встать, коснеющим языком сказал Авдеев,— товарищ Трошин, я прошу вас... позаботиться... насчет мальчика... моего братишки... Возьмите на корабль. Пусть он того... на мое место... на мою койку... вроде бы усыновить... корабельный парень...

Страшная бледность с синевой покрывала его лицо все быстрее и быстрее. Капитан-лейтенант наклонился над ним, потом встал на колени, но почти ничего не слыхал: еле уловимый шопот вырывался из уст умирающего...

К вечеру следующего дня Авдеева похоронили на обрыве, над морем. Отсюда, с холмика, были видны бесконечный морской простор, корабли, скалы, были видны чайки над морем и хорошими глазами можно было разглядеть вымпела.

Здесь, над свежей могилой, капитан-лейтенант Трошин сказал:

— Он был верным сыном матери-родины и хорошим моряком. Пусть всегда шумит над ним море, которое он любил.

Капитан-лейтенант помолчал, печально и пристально глубоко запавшими голубыми глазами оглядел краснофлотцев, потом подозвал к себе длинного мальчика, стоявшего среди краснофлотцев, и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Ничего! Тебе у нас хорошо будет. Моряки — народ хотя и строгий, но добрый. Не пропадешь...

Через несколько дней весь состав корабля — от кубриков и до салона — уже знал историю Севы. Это была простая и страшная история. Отца Севы финны расстреляли вместе с отцом Авдеева: старики были дружны и на расстрел шли вместе, обнявшись. Потом пьяный немец пристрелил Шурика — младшего из семьи Авдеевых. Мать Севы помешалась и исчезла. Мать Авдеева умерла от сыпного тифа. От обеих семей остался живым один Сева. Долгое время он жил, как бродячая собака: питался отбросами, спал в подвале рыбного амбара,— потом, когда начал высаживаться десант, его чуть не убил финский офицер, но он убежал от него в погреб.

История мальчика со всеми подробностями его жизни при финнах и немцах передавалась краснофлотцами из уст в уста. Севу наперебой баловали.

Корабельный боцман перешил ему все, что полагалось, и так возился с подгонкой, что все позавидовали лихому моряцкому виду Севы. Теперь у него было все, как у настоящего краснофлотца: и форменка, и бушлат, и брюки, и рабочий костюм, и тельняшка, и шинель, и ремень с якорем, и свое место в рундуке — то, что принадлежало раньше Авдееву,— и своя койка, и ложка, и даже иголку с ниткой он себе завел, как полагается настоящему краснофлотцу.

Он был серьезен, спокоен, самолюбив — этот мальчик. Ему хотелось все знать на корабле, и он многое быстро узнал, узнал распорядок дня на корабле, никогда никуда не опаздывал, всегда все делал быстро и точно. Капитан-лейтенант Трошин вызвался заниматься с ним общеобразовательными предметами. Занимался Сева акуратно, но никакого особого рвения к биологии или к русскому языку не проявлял. Когда же дело касалось моря, корабля, корабельной артиллерии, тросов, шлюпочного дела, сигналов, талей,— он весь как бы загорался изнутри, его светлые глаза блестели; он старался побывать на всех занятиях, знать все.

Весной, через несколько месяцев, корабль вышел в боевой поход. И когда он отваливал от стенки, Сева стоял у леера, на носу, глядел вперед, и глаза его блестели ярким и светлым огнем.

Теперь у него было свое место на корабле, и сумка с красным крестом через плечо, и уменье делать то, что полагается делать санитарному инструктору, когда происходит морской бой. Он знал, как подавать первую помощь, как останавливать кровь, как накладывать давящую повязку, куда уносить раненых,—

Теперь у него было все, как у настоящего краснофлотца.

знал все, что полагается знать взрослым инструкторам, и не хуже, чем знали они. Правда, ему больше хотелось быть артиллеристом, или механиком, или кочегаром, или рулевым, но эти специальности были еще не для него, и он, скрепя сердце, пошел учиться к военврачу Смирнову. Военврач сначала не поверил, что у Севы хватит сил для того, чтобы носить раненых на носилках, но Сева ему доказал, и он согласился, что может.

— Ты вообще, кажется, все можешь, парень,— сказал ему военврач Смирнов,— все, что хочешь.

— Да, я могу все,— сказал Сева и твердым взглядом посмотрел на Смирнова.

— А боишься боя?

— Не знаю. Наверное. Боюсь, как бы не струсить. А может быть, вообще боюсь. Я немного боюсь, когда стреляют: ушам больно...

— То-то что ушам!— сказал военврач и протянул было руку, чтобы потрепать Севу за волосы, но руки не дотянул: с Севой не очень шутилось.

Теперь корабль шел в боевой поход, в первый боевой поход после той десантной операции, когда убили Авдеева.

Корабль шел самым полным. Волны, разбиваясь о форштевень, с шипеньем и свистом падали на длинный полубак и недолго катились по фальшборту для того, чтобы вновь слиться с морем, исчезнуть, уступить место другим.

Тонко пел турбовентилятор.

Сева постоял, посмотрел, послушал и пошел дальше: ему разрешалось бывать везде и смотреть — болтаться, как сказал капитан-лейтенант Трошин.

Болтаясь, в странствиях он изучал корабль, его жизнь, его пульс, ритм его машин, пение турбовентилятора, выражение лиц командиров, небо, волны, море, посвистывание ветра в радиоантенне. Ему нравилось все сейчас, и сердце его сжималось от восторга, когда он повторял про себя знаменательные, полные высокого и торжественного смысла слова — «боевой поход». Все было этот боевой поход: и плеск ленточек бескозырок на ветру, и военно-морской флаг на кормовом флагштоке, и утренняя команда «На флаг и гюйс смирно!»— команда, которая сегодня звучала особенно торжественно и приподнято, словно слова клятвы.

И пение турбин, и командир первой БЧ в своей рубке, где, склонившись над картой, он прокладывает путь кораблю, и прищуренные на ветру глаза сигнальщиков, и другие корабли — все это вместе было боевой поход,— то, чего он ждал, к чему он готовился с недетской серьезностью, то, о чем он думал, когда в палубе все спали, а он не спал и ждал: готовился к боевому походу.

К вечеру на вторые сутки они встретили транспорта. Это были большие неуклюжие корабли. Транспорта растянулись до горизонта, и, наверное, за линией горизонта они тоже были; и Сева видел грузы на их палубах, брезенты, ящики, тросы, еще ящики и везде людей—очень много людей, которые махали руками и кричали какие-то непонятные, едва слышные слова—слова привета, дружбы, хорошие слова. От одного из кораблей отделилась шлюпка и пошла к их кораблю: это шел командир транспорта,— а потом, когда его приняли и он отправился к себе назад, все корабли двинулись к порту; и это было начало боевого похода—именно это, а не то, что казалось Севе раньше.

Огромные, с глубокой осадкой транспорта шли левее, а их корабль двигался, как бы охраняя и закрывая своими бортами и своими пушками людей и грузы на транспортах, а еще правее шли катера-охотники и сторожевики, бодрые, маленькие, упрямые, и у них был такой вид, что сам черт—им не брат и что они ничего не боятся.

А на том корабле, где был Сева, все время семафорили: передавали распоряжения и приказания на транспорта,— и флажки четко и красиво то поднимались, то опускались: выше, ниже, еще выше, один вверх, другой вниз — до той секунды, пока везде не зазвонили тревожно, захлебываясь на высоких нотах звонки боевой тревоги.

Прижимая тяжелую сумку к боку, Сева побежал туда, где ему положено было находиться: к комендорам, к пушкам,— и на бегу встретил комиссара, который быстро шел на мостик и у которого было озабоченно веселое, немножко напряженное лицо.

Отовсюду слышался топот ног по металлу: это краснофлотцы, нагоняя секунды, бежали к боевым постам. Когда Сева прибежал к своим артиллеристам, они уже сняли обвес и чехол, и длинный ствол орудия что-то искал в море. И другие стволы тоже точно нащупывали, пока вдруг не замерли, неподвижные, маслянистые, молчаливые.

— Что там?— спросил Сева, но тотчас же понял, что спрашивать неприлично, и замолчал.

А досылающий Митяшин ответил:

— Полундра — вот чего! Фашиста будем кончать.

— Орудие зарядить!— закричал фальцетом маленький Зайцев и распахнул замок.

Коротко тявкнул ревун. Сева открыл рот и перед выстрелом увидел то, что шло на них; оно едва чернело на горизонте и шло на сближение: рейдер, или эсминец, или еще что-то? Но додумать он не успел, потому что раздался грохот, желто-зеленое пламя вспыхнуло и погасло, ударил еще выстрел, и еще, и еще; теперь ревун тявкал не переставая и не переставая били орудия корабля, а черное тело на горизонте делалось все больше и больше. И вдруг раздалась команда: «Воздух!»

Он поднял голову: высоко в ясном вечернем небе плыли тоненькие черточки — крошечные, безобидные тире,— пробирались туда, к транспортам, чтобы пикировать на них и потопить, чтобы уничтожить, пустить на дно танки и самолеты, автомашины и медикаменты, сахар и пшеницу...

Со всех кораблей уже били зенитки; и пока он смотрел на круглые, пушистые облачка разрывов, что-то произошло там, где он стоял. Что-то воющее ударило вблизи с грохотом и звоном, заскрежетало и замерло над водой, а Митяшин вдруг вскрикнул и пополз, обливаясь кровью, падая и вновь поднимаясь.

— Митяшин!— тонко крикнул Сева и бросился к раненому.— Митяшин, друг!

Но над ними опять разорвалось что-то, и опять со стонущим, мучительным звуком заскрежетало железо; и теперь Сева закрыл своим худеньким телом Митяшина, как когда-то закрыл его самого Авдеев, а когда осколки пролетели, он потащил раненого дальше, туда, где можно было его осмотреть и перевязать, не мешая другим, подальше...

Но едва он перевязал и оттащил Митяшина, как оказались еще раненые, которых тоже надо было перевязывать и тащить. Раненых было много, и зенитчик Афоничев был убит, и еще были убитые, но корабль сражался, все еще орудия били, а рейдер вдруг стал посылать снаряды совсем неточно: что-то потерял, или упустил, или наши самолеты повредили его.

Сева был весь в поту и в чужой крови, когда встретил комиссара.

— Ранен?— спросил комиссар.

— Испачкался,— сказал Сева,— такое занятие...

— Иди, занятие,— сказал комиссар,— иди: там человека подранило.

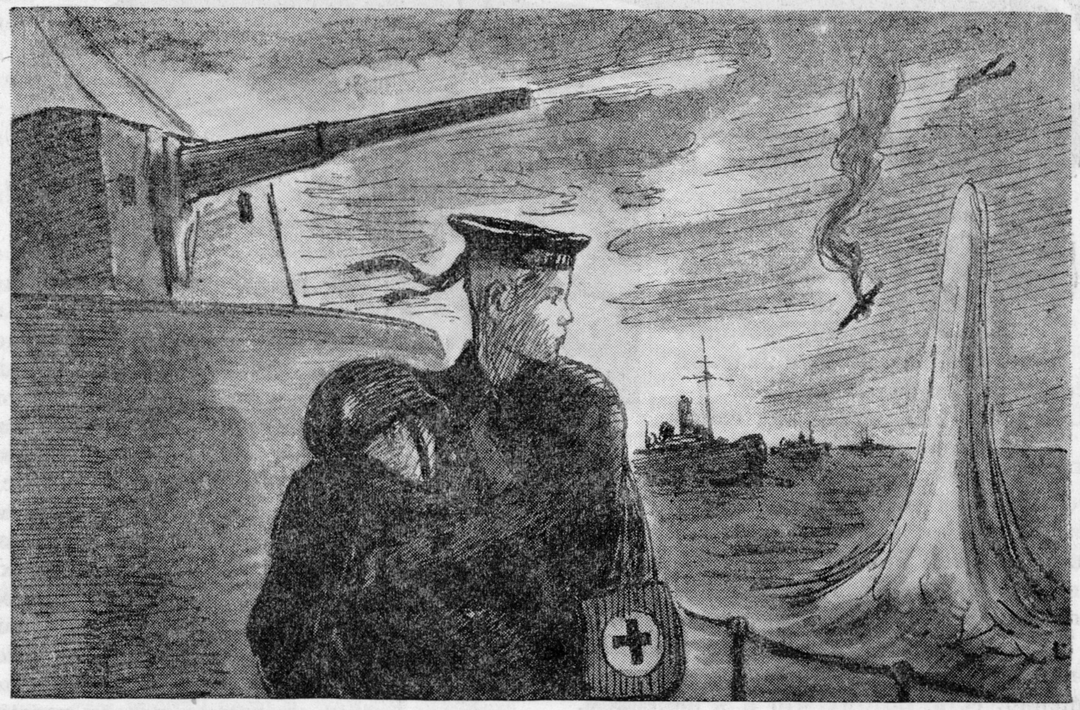
И он рукой показал, где подранило человека.

У другого борта Сева увидел, как сторожевики и охотники ставили дымовую завесу перед рассыпавшимися транспортами, и посчитал: транспорта были все; а с неба медленно, витками, весь в пламени, падал фашистский самолет.

Он побежал вниз, в санчасть: кончились бинты — и в ленинской каюте увидел фотографию Авдеева. Авдеев смотрел на него строго, брови его были сдвинуты. На мгновение Сева оробел и вспомнил весь бой, но ничего дурного с ним не произошло, и он лихо побежал по трапу наверх, и когда высовывался, его ударило, и он мягко, без звука, покатился вниз и катился до того мгновения, пока не оказалось, что над ним стоят комиссар, и капитан, и доктор, и еще кто-то чужой, незнакомый.

— Кончился бой?— спросил Сева.

— Эх, хватился!— сказал комиссар.—



Он потащил раненого дальше, туда, где можно было его осмотреть и перевязать.

И бой кончился, и транспорта привели. Порядочек!

Сева молчал.

— Болит голова?— спросил капитан третьего ранга Трошин.

— Не знаю,— ответил Сева.— Я спал, что ли?

— Был грех,— сказал комиссар,— небольшой грех. Теперь мы тебя на берег отправим, в госпиталь. Вот товарищ военврач тебя забирает. Надо, брат Всеволод, тебе немножко на твердой земле отдохнуть.

Через час его на носилках вынесли к трапу. Тут он увидел много знакомых лиц: вот боцман, который перешивал ему бушлат, а этот краснофлотец учил его вязать двойной гачный узел, а этот старшина показал ему компас и прокладку курса. Все они смотрели на него и подбадривали его улыбками и словами, но он не слышал, не хотел слышать: впереди стояла машина скорой помощи, он покидал корабль — вот о чем он думал, отчего сжималось его сердце.

Потом его везли на катере, потом вынесли к машине; и, пока носилки стояли возле машины, он сам поднял голову и посмотрел на корабль. Это был его корабль, единственный на свете, лучший в мире, со срезанным форштевнем, с флагом на корме, с бьющимся на ветру военно-морским флагом...

И, уронив голову на подушку носилок, Сева заплакал, как плакал тогда, на могиле Авдеева,— крупными, как горох, чистыми слезами. Врач и санитар наклонились над ним и внезапно услышали тихие, но полные силы и упорства слова:

— Меня надо отвезти на корабль. У меня никого нет, кроме них. Меня надо сейчас же отвезти на корабль.

Врач посмотрел внимательно на Севу, подумал, махнул рукой и, сложив ладони рупором, закричал:

— Эй, на катере!

— Есть на катере!— ответили зычные голоса.

Через несколько минут Севу везли обратно на корабль. Он лежал, смотрел в бледноголубое северное небо и не слышал, как военврач говорил довольному и сияющему старшине:

— Мы в лечении никогда не отрицали морального фактора. Что ж, когда для него корабль ближе родной матери! Он без корабля не поправится: его тоска заест.

— Обязательно заест,— ответил старшина и громовым голосом крикнул:
— Шабаш!

Катер подошел к кораблю.

О русском языке

Профессор Л. Тимофеев

ЛОМОНОСОВ.

В нашем языке есть много таких явлений, которых мы обычно не замечаем, и явлений весьма существенных.

Стоит нам задуматься над самыми обыкновенными словами, как мы обнаружим в них очень много интересного. Возьмем обиходнейшее слово «чернила». Спросим себя, что оно значит. Очевидно, то, чем можно чернить, окрашивать в черный цвет. Но почему мы говорим «красные чернила», «зеленые чернила»? Очевидно, потому, что не замечаем этого скрытого в слове смысла. А он, несомненно, есть, потому что и в немецком, например, языке чернила — «Tinte» и в испанском — «tinta», а оба эти слова происходят от латинского «tinguo», что значит «красить».

Но вот по-английски чернила называются «ink», по-французски — «encre», по-итальянски — «inchiosto». Эти три слова тоже очень близки к латинскому и в то же время похожи друг на друга. Оказывается, что и они происходят от латинского слова, только — от другого. Когда римляне приготовляли свои чернила особым способом, при котором их надо было подогревать, они называли их «encaustum». Значит, в обоих этих названиях чернил отразилось представление людей об этом предмете; в зависимости от того, что в нем обращало на себя внимание, возникало и его название, как бы определявшее его основное свойство.

Слово представляет собой сжатую мысль, определяющую явление, указывающее на его свойства. И если мы вглядимся в то, как возникало слово, то нам откроется многое, характеризующее не жизнь отдельного человека даже, а жизнь народа, того или иного исторического периода. Слово как бы хранит в себе свою историю, и если мы его оживим, то оживут перед нами и нравы и быт той или иной эпохи, слово само о себе расскажет.

Взять хотя бы тот же пример с чернилами. Чернильница по-французски — «l'encrier». Понятно, что эти два слова друг на друга очень похожи. Но вот мастер, делающий чернильницы, по-французски — «cornettier». В звучании этого слова нет ничего общего с «encre». Почему? Потому что раньше чернильницы делали из рогов животных, коровьих, оленьих, а рог по-французски — «corne» (отсюда, между прочим, название трубы — «корнет», то есть рожок). Значит, слово сохранило до наших дней воспоминание о том, из какого материала делали чернильницы, и рассказывает теперь нам об этом.

Но, могут сказать, есть слова, в которых мы никак не можем услыхать, так сказать, их голоса, они не звучат, ни о чем нам не напоминают. Слово «изба» хорошо нам знакомо, но с чем оно связано? Оно не вызывает у нас никаких представлений, не связано с другими словами, кроме тех, что сами произошли от него, — «избяной», «избач» и т. п.

Нет, скажут нам ученые — историки языка, — слово-то помнит свою историю, это мы уже разучились его слушать. Много веков тому назад это слово произносилось иначе, приблизительно как «истопка», постепенно некоторые звуки выпали: «т», «к»; некоторые изменились: «п» превратилось в «б», «с» — в «з»; и самое слово изменилось, и мы уже не замечаем при поверхностном к нему подходе, что оно говорит нам о том, что избой называли помещение, которое можно истопить, то есть теплое, и что в нашем теперешнем языке у этого слова есть близкий родственник: «истопник».

Или название города «Брянск». Сейчас оно ни о чем нам не говорит. А когда-то говорили «Дебрянск», и сразу это название объясняет нам, что раньше город этот был расположен в глухих лесах — в дебрях.

Как остатки какого-нибудь древнего строения доносят до нас сведения о людях древности, так и слова хранят в себе воспоминания о прошлом, иногда представляя собой опять-таки остатки старых слов. Мы говорим «чу», уже не замечая, что это «кусочек» слова «чуять»; мы говорим «спасибо», и не подозревая, что раньше это было пожеланием религиозного характера — «спаси бог». У писателей 19-го века нам часто встречается частичка «с»: «да-с», «нет-с». А раньше прибавляли к словам даже не «с», а «су»: «Никита-су», «Василий-су»,— а еще раньше — «сударь». Вот это словечко, совсем почти разрушенное, о себе и рассказало: это остаток старинного почтительного обращения низшего к высшему («государь» — «сударь»), постепенно выветривавшийся, превратившийся в непонятную частицу.

А как много рассказывают, например, о жизни старой Москвы старинные названия ее улиц! Мы узнаем и о том, где у нее были раньше незастроенные пустоши: Остоженка—там косили сено и ставили стога,— Полянка, Моховая, Болото, Воронцово поле, Девичье поле, Балчуг, что по-татарски значит — грязь. Названия бывших ворот (Ильинские, Покровские, Никитские и др.) очертят нам границы старой Москвы, в которую когда-то въезжали через эти давно исчезнувшие ворота. А название «Арбат» (по-арабски «пригород») скажет, где когда-то кончалась Москва. Названия многих улиц расскажут нам, куда шли основные дороги из Москвы: Тверская — в Тверь, Калужская — в Калугу, Стромынка — в село Стромынь, Ордынка — на юговосток — в татарскую Орду, Серпуховская — в Серпухов, Дмитровка — в Дмитров.

По некоторым улицам и переулкам селились приезжие: из Пскова — в Псковском переулке, армяне — в Армянском; приезжие из Западной Европы — на Немецкой улице, а немцами звали всех, кто не мог говорить на русском языке, был «немой». Вот улицы, по названиям которых мы узнаем, какие ремесла были распространены в старой Москве: кожевенное — «Кожевники», «Сыромятники»; полотняное — «Хамовники», от индийского слова «хаман» — полотно; гончарное — «Гончарная улица»; ювелирное — «Басманная», от «басма»—тиснение по золоту. Вот район Поварской улицы, вокруг которой расселились в свое время мастера царской кухни в Скатертном, Столовом, Ножовом, Хлебном, Калашном и других переулках. Вот улица со странным названием «Мытная», но и она говорит нам о старых обычаях: мыт — подать, здесь при въезде в Москву собирали с приезжих особый налог. И так одна за другой рассказывают нам старые улицы историю Москвы.

И это, конечно, особенность не только Москвы. Если нам в Англии встретится город с окончанием «кэстл», то мы сразу же можем сказать, что он возник на развалинах римского лагеря (лагерь — castrum). В Скандинавии города, названия которых оканчиваются на «странд» — берег, «хольм» — остров, «зунд» — пролив, «вик» — залив, скажут нам, даже если они стоят на суше, что когда-то около них было море, отступившее теперь. В Германии окончание названия города на «фурт» — брод — говорит о том, что он возник около удобной переправы.

А сколько обычаев, событий, воспоминаний об отдельных людях, иногда забавной игры случайностей запечатлено в слове! Когда Джемс Кук в 1770 году высадился в Австралии, он спросил туземца о каком-то странном животном. Тот ответил: «Кангуру», то есть «не понимаю». Кук принял это за название животного, и так до сих пор существует кенгуру... А Жана Нико, завезшего в 16-м веке во Францию табак, благодарные соотечественники так и увековечили в слове «никотин».

Иногда слово скрывает в себе целые страницы общественной жизни. Непонятно словечко «подкузьмить». Много надо было пострадать русскому крестьянину, чтобы сложилось это слово: праздник Кузьмы приходился на 1 ноября, это был день расчета помещиков и купцов с батраками за сельскохозяйственные работы. Тут и начинались всякие обсчеты, обман неграмотных батраков. «Под Кузьму» разрушались их надежды, хозяева беззастенчиво их обманывали. Так и возникло слово «подкузьмить».

Близко к нему и происхождение слова «объегорить»: во времена крепостного права был один день в году—позднее его отменили,— когда крепостной мог перебежать от одного помещика к другому, это было в день Егория. Переманивая к себе крепостных, помещики обещали им всякие блага, а потом нарушали свои обеща-

ния, ничем не рискуя, так как перебежавший до следующего Егорьева дня должен был оставаться у них. Обмануть лживыми обещаниями и значит объегорить; снова за этим словом вырастает целая картина жизни прошлого.

В слове всегда скрыта мысль; язык, по определению Маркса,— это практическое сознание человека. Интересно, как стремится язык переосмыслить иностранные слова, чтобы понять их содержание, чтобы за словом угадывалась мысль. Когда после поражения Наполеона русские солдаты были во Франции, им было трудно приспособиться к чужим названиям местности, и они меняли их так, что слова получали определенный смысл и им легче было с ними справиться.

Так Валансьен стал Волосенем, Овэн— Овином, Като превратилось в Коты. То же происходило с иностранными фамилиями: Коз фон Дален становился Козодавлевым, вместо Бостром говорили Быстров, вместо Гаррах — Горохов, Каллаш превращался в Калачева, а Гамильтона сначала звали Гамантовым, потом Гаматовым и, наконец, попросту Хомутовым.

Все эти примеры говорят о том, какая богатая жизнь, какая работа народной мысли скрыта в слове. И чем более значительную жизнь прожил народ, тем ярче и богаче его язык, тем более увлекательна его история, скрытая в нем, тем гибче выражает он все оттенки мыслей и переживаний. «Богатство языка есть богатство мыслей», — говорил русский писатель Н. М. Карамзин и был совершенно прав.

В русском языке многие десятки тысяч слов. В недавно вышедшем под редакцией профессора Д. Н. Ушакова словаре русского языка около 90 тысяч слов, но он включает в себя далеко не все слова нашего языка, многое оставлено им в стороне, всего в русском языке их около двухсот тысяч. В этом словесном богатстве нашли себе выражение и столетия трудовой жизни русского народа, и его героическая борьба с многочисленными врагами за свою свободу и независимость, и его ум, его сметка, наблюдательность, и остроумие. Русский язык — это сокровище нашей национальной культуры, это предмет нашей законной национальной гордости. «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует,— писал великий ученый и поэт Ломоносов,— но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе... Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, италианским с женским полом говорить прилично. Но, если бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков... Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море».

Для лучших русских писателей любовь к русскому языку была неотделима от любви к родине. «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю,— писал Пушкин,— может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». И кто не помнит замечательных слов Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Нельзя верить, что такой язык не был дан великому народу».

Советская власть, освободившая народ от гнета капиталистов и помещиков, вывела Россию на широкую дорогу мирного, культурного творчества, по которой шли к своему расцвету и русская литература и русский язык.

Фашисты стремятся стереть с лица земли русский народ, они хотят заглушить свободное русское слово, несущее всему миру идеалы правды и справедливости. Но велик русский язык, ибо велик народ, его создавший. И он будет звучать с еще большей и победной силой, воодушевляя бойцов на борьбу с врагом, вторгшимся в нашу страну.

„Ни" и „не"

В Смоленской области гитлеровцы приказали учителям преподавать по фашистским программам. Но учителя бесстрашно продолжали учить ребят так, как мы учим в нашей, советской школе.

(Из письма учительницы Нины Л.)

С. Маршак

Нам рассказывал смоленский
Паренек:
— В нашей школе деревенской
Шел урок.
Проходили мы частицы
«Не» и «ни».
А в селе стояли фрицы
В эти дни.
Обобрали наши школы
И дома.
Наша школа стала голой,
Как тюрьма.
Из ворот избы соседской
Угловой
К нам в окно глядел немецкий
Часовой.
Нам сказал учитель: — Фразу
Дайте мне,
Чтобы в ней встречались сразу
«Ни» и «не».
Мы взглянули на солдата
У ворот
И сказали: — От расплаты
Ни один фашист проклятый
Не уйдет!

Не уйти немцам от расплаты!

Скульптура Толи Черномордика Красноуфимск

ТАНЯ СЛЕСАРЕВА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Повесть М. Прилежаевой *Рис. А. Брея*

С каждым днем Дарья все больше и больше нравилась Тане. Тане нравилось, что она носит пестрые ситцевые платья, с синими и желтыми цветами и в лугах всегда наряднее и красивее других женщин, что работает она не суетливо, но споро и весело и никогда не жалуется на усталость и трудную жизнь. Но больше всего нравилась Тане спокойная, ровная и непоколебимая уверенность Дарьи в том, что фашистов разобьют.

— Как объявили мобилизацию,— рассказывала Дарья,— пошли наши мужики. Один к одному. Земля под ними гудит. Разве такие-то не отстоят?!

Однажды после работы Дарья позвала Таню к себе. Изба ее, новенькая, со светлыми еще, чуть обветренными бревнами, стояла почти в конце деревни, недалеко от леса. Невысоким плетнем был обнесен палисадник возле дома, несколько желтых подсолнечников качалось под окнами.

Все в избе было новое, блестящее и чистое.

— Перед самой войной построились,— сказала Дарья.— А вот глянь-ка,— застенчиво добавила она.— Это мы. Только поженились.

Она подвела Таню к фотографической карточке, висящей на стене. Таня увидела на фотографии дарьиного мужа. Он сидел на стуле, опустив руки на колени, пальцы были растопырены нескладно и беспомощно, и Дарья, почти такая, какой ее знала Таня, только потоньше да немного помоложе, стояла рядом, положив руку на плечо мужу и смущенно и счастливо улыбаясь.

Что-то странно знакомое почудилось Тане в лице дарьиного мужа и особенно в пристальном взгляде его широко открытых глаз. В сердце ее шевельнулась какая-то смутная, забытая радость, и она долго стояла перед фотографией и силилась вспомнить, где она видела, и знала, и любила этого человека с умным, доверчивым взглядом, но не могла вспомнить. Она вздохнула, подумав о том, что сейчас этот человек на фронте. И ее папа и миллионы других людей, таких же честных, хороших, день и ночь бьются, отстаивая свою землю. День и ночь.

Дарья принесла дочку из яслей. Пушистые русые волосы падали девочке низко на лоб, и она трясла головой, потому что волосы мешали ей смотреть. Щеки у девочки были тугие и красные, словно их подмазали кисточкой, а безбровые, совсем не похожие на материнские глаза смотрели на Таню со спокойным любопытством. Девочку звали Нюткой.

— Знаете что!— вспомнила Таня.— Сейчас я принесу ей игрушку,— и побежала в интернат.

— На, играй,— сказала она,— пока я в Москву не уехала,— и посадила на пол рядом с Нюткой большого одноглазого мишку.

Нютка охнула, щеки у нее затряслись и рот испуганно скривился.

— Дурашка! Он не живой,— сказала Дарья и так нежно посмотрела на дочку, что Таня поняла, почему она заплакала тогда и убежала с линейки.

Таня полюбила приходить к Дарье. Она приходила под вечер, после работы, и, пока Дарья управлялась с коровой, играла с Нюткой. Нютка привязывала мишку к кольцу от подполья и грозилась пальцем:

— В лес не ходи: там тебя настоящие медведи съедят.

Мишка смотрел единственным стеклянным глазом, и горячая жалость заливала нюткино сердце. Она брала мишку на руки и шептала ему в ухо, что настоящих медведей в лесу нет, что там только Витька пасет жеребят, а у деда Архипа есть ружье и он убьет когда-нибудь самого главного фашиста.

Когда Нютка засыпала, Дарья звала Таню посидеть на крыльце. К осени ночи стали свежеть, с реки полз туман, лес молчал, и Дарья, зябко кутаясь с Таней в один платок, ровным шопотом рассказывала ей о муже и о том, как, уходя, он сказал:

— Помни, что ты коммунистова жена.

Каждый вечер они говорили о войне, и каждый вечер, хотя плечи привычно ныли от усталости, и мозоли затвердели на ладонях, и все тело тянуло ко сну, Тане ка-

залось, что сегодня еще не настоящее, а вот завтра она сделает больше и лучше.

Когда почтальон приносил письмо из Москвы, Таня читала его Дарье. Письма были коротенькие и скупые. Теперешнюю маму видела Таня, читая эти письма,— строгие ее глаза, сдвинутые брови и высоко поднятую голову. Мама почти ничего не рассказывала о себе. В каждом письме Таня прочитывала одни и те же тревожные вопросы: «Здорова ли? Сыта ли? Как живешь? Что делаешь? И не очень скучай, девочка, не очень тоскуй».

За этой тревогой о ней, дочке, единственной, Таня угадывала другую тревогу, и боль, и тоску, о которых мама молчала. От отца нет известий. Где он, папа? Думая об отце, Таня крепко сжимала зубы. Она думала о нем часто. Всякий раз, оставаясь одна, Таня начинала вспоминать папу, его глаза, улыбку, все его милые привычки, все слова, сказанные им когда-то. Она не прощала себе того, что в прежней ее жизни бывали дни, когда она не успевала поговорить с отцом, не успевала приласкаться к нему.

Тяжелая тоска приходила откуда-то, и меркнул день, и у Тани по-взрослому горбились плечи. Чтоб спастись от этой тоски, Таня бежала к Дарье, садилась рядом с ней на крыльце, крепко прижималась к ее плечу, кутаясь под одним платком. Они сидели и слушали, как близко, всего через четыре избы, молчит старый лес, чуя осень.

Сено убрали к половине сентября. Тогда в Тереховке открылась школа. Валентина Петровна надела неизменную белую блузку с мужским галстуком и вытащила из чемодана порыжевший портфель. Она долго сидела, опустив голову, над потрепанным своим портфелем. Когда-то он был новенький, жесткий, с блестящими запорами. Так вот и к ней незаметно подкралась старость, побелила волосы, тронула морщинами лицо. Много прожито лет, много дней...

И сейчас, в эту грозную, небывалую осень, как прежде, как всегда, пройдет Валентина Петровна к своему столу в классе и встретят ее десятки ожидающих, требовательных глаз. Сколько юношей, сколько девушек, чьи внимательные, строгие, и требовательные, и благодарные глаза так хорошо знала Валентина Петровна и так любила,— сколько этих юношей и девушек уже совершили множество высоких подвигов во славу своей родины, своей школы, своей старой, поседевшей учительницы! Сколько совершили и сколько совершат!

О них — своих и несвоих питомцах — думала Валентина Петровна в это утро перед началом занятий в Тереховке. И о них рассказывала примолкнувшим ребятам на уроке.

Школа занималась в клубе в две смены, по три часа. Пока одна смена училась, другая работала в поле.

Овес перестоял — белый, с высохшей, ломкой соломой и толстыми, усатыми колосьями.

Словно большие веселые жуки ползали взад и вперед по полю красные жнейки, оставляя за собой ровно срезанные охапки овса. Небо голубело над полем, по-осеннему высокое, спокойное и холодноватое.

Сережа, сунув руки в карманы, в кепке, надетой козырьком назад, стоял по пояс в овсе и смотрел, как проворно и хлопотливо бегают жнейки, сбрасывая позади себя срезанные охапки овса. Сережа хмурил брови. Лицо его было сердито.

Он не обернулся, когда кто-то из ребят насмешливо пропел:

— «Капитан, капитан, улыбнитесь!»

Сережа сердился на себя за то, что жаль ему было и это поле, и лес, и Авдотьинские овраги, и желтоволосого Витьку, и вожатую Галю Михайлову с беспокойными зеленоватыми глазами, и линейку после заката солнца, и жаль, что кончился сенокос, а овес уж будут убирать без него, и Валентина Петровна без него будет рассказывать в классе о юношах и девушках — героях — и, может быть, о нем когда-нибудь расскажет; Сережа сердился на себя и за то, что до сих пор ничего не сказал Витьке, а теперь уж, наверное, поздно, потому что очень скоро он уйдет. Он уйдет сегодня ночью. Когда из-за леса вылезет острый и желтый, как начищенный медный таз, серп луны, Сережа привяжет за плечи мешок с сухарями и уйдет. Прощай, Тереховка, и Таня, и Витька — все прощайте! И мама тоже. Жалко ма-

— *На, играй, пока я в Москву не уехала.*

му, всех жалко. Сережа внезапно поперхнулся и закашлялся и кашлял долго, даже слезы выступили на глазах. Тут он увидел Таню. Она сидела на снопе и переплетала косу, и коса у нее была почти такая же золотисто-белая, как овес, на котором она сидела.

— Эй, Таня! — крикнул Сережа.

Таня привычно перекинула косу за плечо и пошла к Сереже, осторожно ступая по скошенной соломе и улыбаясь. Сережа заметил, что Таня всегда улыбалась в поле. И улыбка у нее была довольная и усталая. Казалось, ей нравилось уставать. Ее серые, с темными ресницами глаза от солнца, от неба и еще от чего-то, может быть от улыбки, синели. Сережа никогда не замечал раньше, какие у Тани глаза: серые, а кажутся синими. И хочется всегда ей все рассказать. «Эх, Танька, Танька, почему ты не мальчишка и почему ты не умеешь воображать?!»

— Пойдем к Витьке! — сказал Сережа.

— Почему? — удивилась Таня.

— Нужно, — строго ответил Сережа.

— Разве скоро? — тихо спросила Таня и посмотрела на Сережу тревожно и ласково.

Сережа молча повернулся и пошел. Они шли межой, прямо полем, мимо деревни, и овес бил их по коленям и цеплялся колючими усиками за танино платье.

Ира-кукла крутила соломенный пояс, который рвался у нее всякий раз, как она начинала связывать сноп.

— Их все всегда хвалят, — сказала она Светлане. — Подумаешь, ударники! Захотели — пришли, захотели — ушли. А если я захочу что-нибудь, меня обязательно на собрании проработают.

Но Светлана промолчала. Ира связала четыре снопа. До нормы оставалось еще двадцать шесть. Пересохшая солома ломалась в руках, и, когда ее вязали в снопы, от земли поднималась мелкая белая пыль. От пыли было горько во рту. Ира присела на корточки и посмотрела на пальцы. Ногти обломались, и пальцы стали толстые, коротенькие и некрасивые. Ира пожалела о том, что не осталась дома дежурить по столовой. Наверно, тетя Настя жарит картошку на постном масле. Картошка румяная, хрустит, и огурцы малосольные, тоненькие, с пупырышками. А пить-то как хочется! Ира вздохнула и взялась за пятый сноп. Колючая, жесткая соломинка вошла ей под ноготь. Ира села на сноп и заплакала, высасывая кровь. Она плакала не потому, что ей было больно: Ире показалось вдруг, что она очень несчастна, что никто не любит ее и что она не может больше вязать снопы и жить без мамы.

— Иди домой! — сказала Галя Михайлова, вытирая рукавом потный лоб и оставляя на нем грязную полосу.

Ира, всхлипывая, побрела к школе.

Сад был тенист и прохладен, а в коридоре, на столике, стоял бак с холодной и вкусной, как мороженое, водой. Ира напилась воды, завязала тряпочкой палец и вышла на улицу поиграть в мячик об стенку. Она сыграла уже и в крестики, и в перевертыши, и на одной ножке, и через одну, и через обе ручки, и дошла до девятого класса, как вдруг мяч подпрыгнул на подоконник и скатился к мальчикам в спальню. Ира залезла на подоконник и, сидя на нем верхом, обозревала комнату, угадывая, под чью кровать мог закатиться мяч. Но мяч как будто провалился. Ира спустилась с подоконника и ползала на коленях, шаря под кроватями. Вдруг она наткнулась на большой, чем-то набитый мешок.

«Ага! — подумала Ира. — Не велели в спальне вещи держать, а они все-таки держат. Чья это кровать? Сережи Звягина? Так и есть. И с работы ушел и вещи под кроватью прячет».

Ира развязала мешок, и, озадаченная, села возле него на пол. Мешок был полон сухарей, лежали в нем еще холщевые портянки, нож, кружка и ложка и блокнот с карандашами.

«Что бы это могло означать?» — изумилась Ира и потащила мешок к Валентине Петровне.

Трудный день выпал у Витьки Курбатова. С утра вдруг заболела «Касатка» — та самая кобылка с веселыми, танцующими ногами, сережина любимица, которой он, приходя из интерната, всегда приносил кусок хлеба или сочную, красную морковку. Она стояла, опустив голову, с помутневшими, грустными, испуганными глазами и когда какая-нибудь из лошадей подходила к ней, чтобы потереться о спину или лягнуть играя, она нехотя отходила на другое место.

— Может, обойдется? — спросил Витька деда Архипа, но дед Архип покачал головой:

— Не обошлось бы, как в Нечаеве. Там, слышь, половина табуна в карантине.

И тогда у Витьки екнуло сердце и он вспомнил, что́ случилось всего неделю тому назад. А случилось вот что. На новеньком велосипеде, почти беспрерывно нажимая звонок и пугая лягушек в овраге, с пучком лесных трав, привязанным к седлу, приехал ветеринарный врач. До войны его Витька не видел. Откуда он взялся в здешних местах, — кто его знает. Надета на нем была длинная, вышитая крестиком рубаха, подпоясанная красным шнурком с кисточками. Таких рубах местные учителя и доктора не носили. Вот в кино, в «Александре Невском», похожую рубаху Витька видел.

— Должно, у бабки в сундуке полста годов пролежала, — пробормотал дед Архип.

И взгляд у этого приехавшего человека был тяжелый, неласковый. Он все выспрашивал Витьку и деда, сколько в табуне коней да сколько всего в колхозе голов, кстати и про рогатый скот узнал — для учета, как он объяснил.

Потом он походил меж лошадей. У кого живот пальцем ткнет, кого по спине похлопает, но зубы ни у одной не посмотрел и старался сзади не заходить, видимо боясь, чтоб не лягнули. Витька привык испытывать уважение к ученым людям, но этот человек с неласковым взглядом, вырядившийся точно на представление в вышитую крестиком рубаху, ему не понравился.

— Лошадиный доктор, а лошадей боится,— сразу заметил он.

Ветеринарный врач оставил бутылку с зеленоватой жидкостью, велел давать по столовой ложке, если глаза у кого из лошадей помутнеют, и уехал на своем велосипеде со звонком, обещав наведаться.

Дед Архип прибрал бутылку.

А через два дня, к вечеру, запыхавшийся, бледный, с космятыми, вспотевшими волосами прибежал однорукий председатель колхоза.

— Где лекарство докторово? — спросил он осипшим, испуганным голосом, и загорелые его, заросшие волосами щеки были бледны, словно по лесу за ним леший гнался.

— А где ему быть? — степенно ответил дед Архип. — Стоит у меня в изголовье, пока нужда не приспела.

— Давали кому?

— Нет покамест.

— Неси мне бутылку, да живо. Эй, Витька!

— Поводить надо,— велел дед Архип.

И когда Витька притащил закупоренную бутылку с зеленой водой, однорукий председатель сунул ее за пазуху, грузно опустился на пень и вытер рукавом мокрый лоб.

— Никак что стряслось? — спросил дед Архип, выждав, пока председатель придет в себя.

— Такое стряслось,— проворчал председатель, скручивая одной рукой на коленке козью ножку из газеты,— стряслось такое, что в Нечаеве белугой ревут пастухи, а в Озерках коней уж двадцать закопали после этого самого лекарства. Стоит конь, глазами в землю уперся, а потом бряк — и ноги вытянул. По району мобилизация конская началась, а фронт — он от нас не шибко стал далеко. Вот ты и раскинь мозгами, кто такой этот доктор и зачем он сюда приезжал.

Витька в эту ночь перетащил свою подстилку поближе к деду Архипу и долго не мог заснуть, тревожно прислушиваясь к лесным шорохам и к мерному дыханию лошадей рядом, за шалашом.

Все это снова пережил Витька, когда заболела «Касатка».

— «Касаточка», чего ты дуришь? Не дури, «Касатка»! — шептал он ей и трогал белую отметину на лбу, расчесывал гриву, хлопал заботливо по вздутым, тяжело поднимающимся бокам.

— Поводить надо,— велел дед Архип.

И Витька водил «Касатку» взад и вперед по оврагу, вдоль высоких берегов.

Витька водил «Касатку» и думал о том, что у него трудная жизнь и что если бы не было войны, пошел бы он учиться в десятилетку, а потом поехал в город, и поступил в институт, и стал конским доктором, и знал бы, как вылечить «Касатку», как ей помочь, чтоб опять стали ясными умные ее глаза, и опять кусала она подруг в озорном веселье.

Но теперь война, и Витька не пойдет учиться в десятилетку. Отец на фронте, мать осталась с ребятами одна. Небось, за лето Витька сколько трудодней заработал! И стадо не на кого оставить. Разве деду Архипу управиться с необученными помощниками? Заморозки начнутся, коней надо к упряжи приучать. Как без Витьки обойдутся? Витька каждую лошадь знает. Вот, к примеру, «Касатка». Она ласку любит. За ласковым словом в огонь и воду пойдет. Или «Рыжий». Этот уважает решительность, твердость. Сразу учует, кто повод держит. Слабую руку не послушает «Рыжий». Он и из седла выкинуть может.

«Касатка» ходила за Витькой, вяло и неохотно переступая ногами, и Витька мучительно вспоминал, трогал ее тот человек в свой приезд или нет. Кажется, нет. Может, в самом деле она просто объелась, а они с дедом Архипом с перепугу невесть что надумали?.. Было так весной, по молодой траве, с двумя лошадьми, ведь выходили же?

К концу дня «Касатка» повеселела. Дед Архип сделал ей припарку на бока, и она,

положив голову ему на плечо, благодарно заржала.

— Эх, дочка! — растрогался дед Архип.— Смотри, оживи к утру. Припарка, она приятная — вот тебе и полегчает. А утром солнышко взойдет. Тихо оно теперь всходит. Птицы уж в теплые края полетели. Как они, глупые, через войну-то пролетят? Птицу жалко, не то что человека. И-эх!

Он уговаривал «Касатку» словно ребенка, и «Касатка» слушала его и благодарно шевелила ушами.

У Витьки немного полегчало на сердце. Он прилег возле шалаша на соломе, положив кулак под щеку, и хотел заснуть, потому что устал за день, но заснуть не мог. Ему представлялось, как с первыми заморозками они с дедом Архипом пригонят молодняк из лесу на деревню, в конюшни, а кони все на подбор: шерсть лоснится, хвосты пушистые, гривы подстрижены — красавец к красавцу. И на мобилизационном пункте скажут: «Молодцы тереховцы! Первый сорт представили». Особенно понравится всем его «Рыжий», и «Рыжего» возьмут не в обоз, а в кавалерийскую часть, и вынесет он бойца из любой засады, потому что скачет быстрее ветра.

Теперь уж Витьке казалась его жизнь не тяжелой, а очень важной и нужной. Ему захотелось рассказать кому-нибудь об этом. Не похвалиться, а просто так рассказать, и чтоб ему про себя рассказали. Скучно все-таки: лошадь хоть и понимает, а все не человек — не ответит.

В это время вышли из лесу Сережа с Таней. Витька сел и даже глаза протер: уж не заснул ли он? Таня стояла перед ним в пестреньком платье, с зацепившимися на подоле колосьями, и руки у нее были исцарапаны и поколоты, а белая коса так отливала золотом, как будто луч солнца опустился и лег к ней на плечо.

Всякий раз, встречаясь с Таней, Витька испытывал одно и то же чувство удивления. Удивительны были ее белая, отливающая золотом коса, ее серые глаза, которые иногда синели, но всего удивительней казалось Витьке то, что жила Таня не смешными и маленькими девчачьими интересами, которые Витька презирал, а чем-то другим, серьезным и нужным. И сегодня, когда Витьке своя собственная жизнь показалась важной и нужной, он особенно рад был таниному приходу. Он посадил ее и Сережу рядом с собой на соломе и, не переводя дыхания, залпом рассказал о том, как приезжал к ним тот человек, чтоб испортить стадо, как заболела «Касатка», а они с дедом Архипом перепугались, и как дед Архип три лета учил его ходить за конями, а теперь уж Витька из стада никуда не уйдет. В неумелые руки коней отдать нельзя: не одними танками воюют, кони тоже нужны. А уж в десятилетку он после войны поступит.

Сережа молчал, и Таня видела, как потемнело его лицо.

Узенький желтый серп луны выполз из-за леса, кое-где на бледном небе замерцали звездочки. Сережа встал и ушел к лошадям. «Касатка» стояла в стороне. Она спала. Ей было хорошо. Бока опали. Сережа обнял лошадь и прижался лбом к ее шее.

— Вот и прощай, «Касатка»!

Он долго стоял, обняв лошадь. Он слышал, как дед Архип вышел из шалаша и сказал позевывая:

— Месяц молодой народился: пузом вниз лег, а рожками кверху. Быть ненастью. Как у вас с овсом-то? Картошки пора убирать.

И Таня стала рассказывать про уборку овса, потом заговорила о войне.

Сережа подтянул потуже ремень, еще раз потрепал «Касатку» по шее и пошел звать Таню домой.

— Значит, один уйдешь? — спросила Таня, когда Авдотьинские овраги остались позади и со всех сторон обступил их темный, поосеннему хмурый лес.

— Да,— твердо ответил Сережа.

Возле деревни они встретили Валентину Петровну. Она шла лесной дорожкой навстречу им, опустив голову. Она думала о том, как помочь Сереже пережить первое его тяжелое разочарование. И любила она Сережу за хорошую, горячую его мечту.

— Оставь нас, Таня,— сказала Валентина Петровна, и Таня догадалась, что Валентина Петровна все знает, что она не отпустит Сережу на фронт, что Сереже всего лишь четырнадцать лет — на войну его не возьмут — и что все, о чем он мечтал целое лето, сейчас рухнет, и ничего не останется, и очень пустой, очень горькой покажется ему жизнь завтра утром.

Таня боялась увидеть его на другой день, потому что не знала, какими словами можно утешать человека, если у него горе; но первый, кого увидела она, выйдя перед уроками в яблоневый сад, был Сережа. Сережа перелезал через забор и, заметив Таню, отчаянно замахал ей рукой. Он был так взволнован, что даже не кричал, а только махал рукой.

Таня подбежала к нему:

— Что?

— К тебе мать приехала,— сказал Сережа.

Таня ахнула и присела на корточки.

— Сережка, если ты врешь?! — умоляюще спросила она.

— Что ты?! Разве такое врут? — удивился Сережа.— Смотрю, а она идет по дороге. Я скорее бежать.

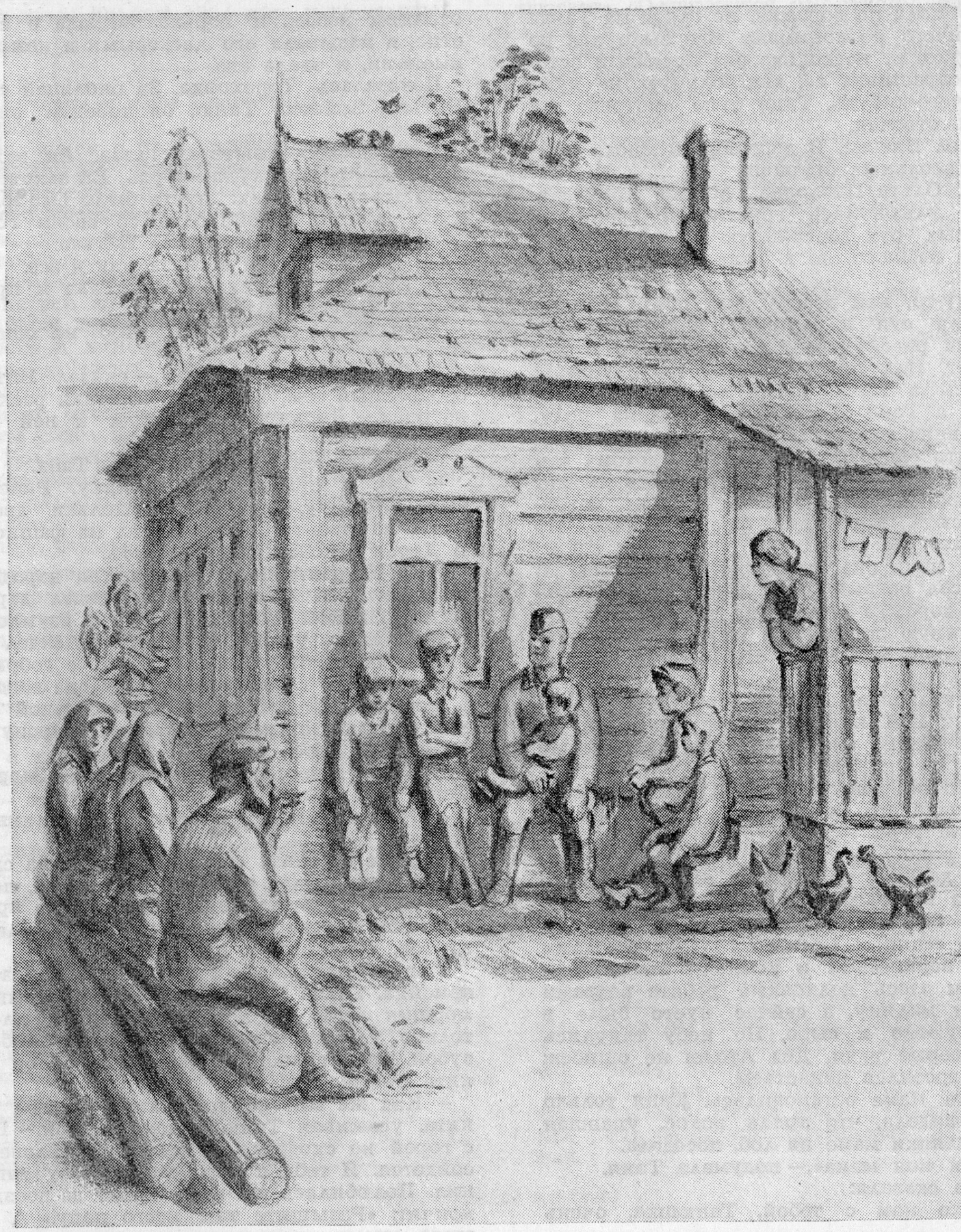
— А если ты обознался? — охрипнув, спросила снова Таня.— Ну, какая она?

— Да что я не знаю ее, что ли?! — почти рассердился Сережа.— Стриженая. Идет и шляпой размахивает. Мчись живо!

Таня всхлипнула и помчалась.

— Мамочка, неужели ты приехала? — бормотала она.— Кудрявая моя, неужели приехала?

Она выбежала за околицу и увидела маму. Она увидела знакомое мамино коричневое пальто, и действительно, мама несла шляпу в руках, и ветер развевал ее волосы. Таня остановилась, потому что не могла больше бежать. Сердце прыгало у нее в груди — не от бега, а от счастья и любви. Она молча смотрела, как идет по дороге ее мама в знакомом коричневом пальто. Ну да, вот даже родинку на щеке видно. Бледные щеки, сов-



По вечерам у избы Евстигнеевых собирался народ.

сем не загорела. И в туфельках на каблуках. Неужели в туфельках восемнадцать километров прошла от станции? Ну, вот она увидела ее наконец. Что это? Таня взялась рукой за сердце. Что это? Мама идет к ней навстречу, мама узнала Таню и не улыбается ей...

Они втроем сидели под яблоней: Валентина Петровна, мама и Таня. Они сидели втроем и молчали. Потом мама снова рассказывала одно и то же. Она говорила удивленно и тихо:

— Он мне прислал только одно письмо. В самом начале. Он писал: «Ольга, очень трудно. Но конец может быть только один: мы их победим». Так он писал. Потом писем не было. Потом пришло извещение — убит.

В интернате ходили на цыпочках. Ира-кукла с подружками сбегала в поле и набрала в овсе васильков. Поздние, осенние васильки густо синели. Мама удивилась: зачем? Потом она смутилась, взяла васильки и поцеловала Иру. Ира залилась румянцем, бровки ее испуганно подпрыгнули вверх, и

она побежала по дорожке, не глядя на Таню. Таня ничего не понимала. Все было как во сне. Подходил несколько раз Сережа и осторожно спрашивал ее, как больную, не нужно ли чего-нибудь. Таня тупо смотрела на него, не отвечая.

Пришел Витька. В деревянной миске принес малосольных огурцов:

— На, Ольга Павловна. Мамка прислала.

Мама улыбнулась грустно и взяла из витькиных рук деревянную миску. Витька помялся немного, но к Тане подойти не решился.

Почему-то, как всегда, был обед. И мама даже ела суп и слушала, как Валентина Петровна рассказывает ей про Таню и про интернат. Или притворялась, что слушала?

Наступила ночь. Мама легла на танин топчан, а Тане постелили рядом на полу. Свесив вниз голову, мама шопотом говорила о том, что скоро ее мобилизуют, потому что хирургов не хватает, и тогда Таня поедет к бабушке в Омск, а интернат тоже, наверное, отсюда переведут: фронт близко. Но Тане было все равно.

Среди ночи она внезапно проснулась. В небе висел острый серп луны, и узенькая светлая дорожка лежала на полу. Таня увидела лунную дорожку и вдруг поняла, что папы больше нет и она его никогда не увидит. Никогда...

Мама услышала, как плачет Таня, и спустилась к ней на пол с топчана. Она не утешала Таню: она только крепко обняла ее.

А узенький желтый серп луны все висел в небе, пока его не закрыла тучка. Потом наступило утро.

Утром рано мама ушла.

Таня далеко проводила ее, до самого моста, за которым начинался лес. Этот лес непохож был на Тереховский и тянулся до самой станции. Сосны с голыми стволами шумели вершинами и усыпали землю хвоей. Летом здесь колхозные ребята ведрами набирали малину, а сейчас пусто было в лесу, неуютно и сыро. По небу тянулись низкие, серые тучи. Дед Архип не ошибся: октябрь грозился ненастьем.

У моста мама остановилась. Таня только теперь увидела, что прядь волос, упавшая из-под шляпки маме на лоб, поседела.

«Бедная моя мама»,— подумала Таня.

А мама сказала:

— Плохо нам с тобой, Танюшка, очень плохо...

Таня опустила голову.

— Ты понимаешь, что я должна идти на фронт? — спросила мама.

— Да,— ответила Таня.

Мама крепко поцеловала ее.

— Ну, жди телеграммы,— сказала она.— А может быть, я сама за тобой приеду и отправлю тебя к бабушке в Омск. Танюша, надо все перенести и жить.

— Хорошо, мама.

Таня долго смотрела на дорогу, пока мама не скрылась. Ветер раскачивал сосны, и стволы их скрипели. Таня пошла домой. Ей трудно было идти, словно пудовые гири привязаны были к ногам. Она шла одна под осенним небом, и горько плакала о своем отце, и называла его ласковыми и нежными именами, и звала его.

Показалась Тереховка. За околицей стоял Витька. Заметив Таню, он побежал ей навстречу.

Таня поскорее вытерла глаза. Ей захотелось спрятаться куда-нибудь. Ей захотелось спрятаться ото всех: пусть было бы только поле, да небо, да она одна со своим горем.

— Здорово, Таня,— сказал Витька.

Он не смотрел ей в глаза, как и все.

— Ешь орехи,— сказал он Тане и протянул ей картуз, полный орехов.

Таня взяла один орех, чтоб не обидеть Витьку.

— Я тебя все утро ищу,— сказал Витька, ободренный тем, что Таня все-таки раскусила орех.— Дарья послала: муж к ней приехал.

— Как приехал? — удивилась Таня.

— Так и приехал. В побывку. Раненый был. «Поживу,— говорит,— недельки две и опять на фронт». Очень он зол на фашистов. А Дарья велела тебя кликнуть.

Изба Евстигнеевых была полна народу, и за столом, в красном углу, сидел дарьин муж с Нюткой на руках. Таня в изумлении остановилась у порога. За столом сидел тот самый белозубый красноармеец с добрыми, доверчивыми глазами, которому она когда-то в первые дни войны на подмосковной дачной станции принесла в чайнике сиропу.

Он тоже узнал ее.

— Таня! — весело закричал он.— Здорово, Таня, иди сюда!

— Никак ты ее знаешь?! — воскликнула Дарья.

Черные ее глаза сияли счастьем, на смуглых щеках пылал румянец, и вся она, помолодевшая, возбужденная, радостная, в ярком ситцевом платье с оборками, похожа была на цветок, красивый и нежный.

Таня продолжала рассматривать красноармейца. Глаза у него потускнели, и много морщин легло на лбу, ссутулились плечи, только улыбка оставалась прежней — белозубой, приветливой, доброй. Значит, он Никита Евстигнеев!..

— Как же мне ее не знать? — сказал Никита, усаживая Таню рядом с собой.— Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Я тебя с того самого разу запомнил. Полюбилась ты мне. Бежит за поездом, кричит: «Разыщите там моего папу!» А как этого самого папу разыскать, когда я прозвища его не знаю?.. Ну все же, как встречу какого командира, спрашиваю: «Нет ли,— говорю,— дочки у вас? Таней звать, с косой,— говорю,— с белой?» «Нет,— отвечают,— такой нет». У кого и есть дочка, да не Таня. Так я твоего отца и не разыскал.

— Папу убили,— с трудом произнесла Таня.

Никита нахмурился:

— Осиротела...— он кашлянул и прижал Нютку к груди:— Эх, вы, сиротки! Много вас сейчас по белу свету мается...

Никита обнял одной рукой Таню за плечи, и рука у него была спокойная, сильная, нежная, как у папы.

Таня положила голову на стол и заплакала, не пряча больше свое горе и не стыдясь слез.

По вечерам у избы Евстигнеевых собирался народ.

Вернувшись с поля, приходили колхозники. Женщины, управившись со скотиной, шли группками, поправляя на ходу платки, садились поодаль на завалинке и шептались о том, что вот какое счастье нежданно-негаданно привалило Дарье, а Никита лицом стал темен и сумрачен: знать, видел много, чего на всю жизнь хватит вспоминать. Галя Михайлова приводила интернатских детей, построив в линейку. Отпросившись у деда Архипа на часок, прибегал из лесу Витька Курбатов, а колхозные ребятишки весь день так и не отходили от избы Евстигнеевых. Никита сидел на завалинке с Нюткой на руках. Большой, шершавой, мозолистой рукой он перебирал ее светлые прямые волосы, низко падающие на лоб, а иногда, положив на широкую ладонь нюткину крошечную ручонку, изумленно рассматривал ее.

Дарья, стесняясь своего счастья, с каждым днем молодея, выходила на крыльцо и становилась у косяка, потупив черные сияющие глаза, радуясь тому, что народ слушает, и любит, и дивится ее Никите. Никита рассказывал о фронте строго и просто, а о фашистах — с гадливым презрением:

— Немец — он смел, пока в машине спрятан, а как машину из-под него вышибли, на карачках норовит под куст спрятаться. Вор — он всегда трус.

— Дядя Никита, а дядя Никита! — снова просили ребята.— Ты расскажи, как тебя ранили.

— Да я вчера рассказывал! — удивлялся Никита.

— Мы уже забыли. Ты еще.

— Ну, что с вами сделаешь! — соглашался Никита и начинал рассказывать: — Состоял я при полковнике. Полковник нам попался бывалый. За Хасан один орден, за финскую кампанию — другой. Видывал я смельчаков, а таких не приходилось. И до бойцов приветливый, каждого в лицо знал. Пуще всего не уважал трусов. Приказывает — едем. Садимся в машину. Ядра рвутся. От пуль свист, ровно осы в летний полдень звенят. А он ничего: «Смелого,— говорит,— пуля не трогает». Остановится на самой передовой линии и в бинокль рассматривает. Один раз как бахнет — мы все так и попадали. А он стоит себе, бинокль то в одну сторону, то в другую наводит. Стыдно нам стало, помаленьку встаем. Полковник и говорит: «Вы что,— говорит,— заячьи души, рано поднялись? Сейчас еще стукнет».

И приучил-таки нас. После уж в какой огонь попадали, а ничего. Многому он нас научил. «Думать,— говорит,— надо. В самый страшный час надо только подумать — и выход найдешь».

А беда с нами случилась так. Тяжелое вышло дело. И дорогу саперы проверили, а вышла оказия: напоролась машина на мину. Взметнуло кузов кверху, кабину в сторону бросило. Очнулся я, швырнуло меня метров за двадцать в кусты. На дороге кузов догорает. Вгорячах-то я и не заметил, что ранен, только ноге, чую, жарко, а это у меня в сапог крови налилось. Ползу. «Где,— думаю,— полковник? Надо ж такому делу быть». Отнесло кабину в овраг, и повисла она над оврагом, а из кабины, гляжу, вниз головой наш полковник висит. Жив, а без памяти. Долго я с ним провозился: огруз он. Упали с ним вместе в овраг, и кабина за нами рухнула. Чуть не подшибла. Взвалил я полковника на спину и поволок. Три часа полз. Потом встретились наши. Послал я их раненых подбирать, да тут уж и не помню ничего больше. Полковник, слышно, жив. Контуженный, в госпитале лежит. Вот какие случаи-то на войне приключаются.

Ребята слушали, боясь проронить слово. Сережа Звягин хмурил брови. Сережа знал: он был бы так же бесстрашен, как тот полковник, как Никита. Но его не пустили на фронт. И Валентина Петровна взяла с Сережи честное пионерское слово, что он не убежит. Сережа дал слово.

Никита Евстигнеев искал глазами Таню. Он находил ее в толпе и подзывал к себе.

— Дочка,— говорил он ласково.

И Нютка тянула к Тане пухлые, крошечные свои ручонки. Таня садилась рядом с Никитой, прижималась к его широкому, спокойному, отцовскому плечу.

Дарья, блестя черными глазами, улыбалась им с крыльца. Народ молчал. Осенняя звездная ночь бесшумно опускалась над деревней.

(Продолжение следует)

Переверни страничку и посмотри. Неправда ли, превосходные вещи умеют делать эти ребята? Уж им-то будет что представить на выставку труда пионеров.

Выставка открывается в день памяти Ленина, 23 января. Что приготовишь к этому дню ты?

ВЫСТАВКА УМЕЛЫХ РУК

Это был двор, как двор,— небольшой, покрытый камнями, между которыми пробивалась зеленая травка. И дом во дворе стоял двухэтажный, приземистый,— тоже ничем не замечательный. Но возле дома во дворе можно было увидеть необычную картину.

Из дверей все время выбегали ребята и сваливали на землю в одну кучку, высокую, как гору, уключины для весел. У крыльца на солнышке сидели девочки с ведерками и кисточками. Они быстро покрывали уключины черной блестящей краской, а потом ставили рядами вдоль стены. Вереницы уключин растянулись во всю длину дома. Девочки очень торопились: учебно-производственные мастерские Киевского района Москвы выполняли срочный оборонный заказ...

А в это время на другом конце Москвы, в трехэтажном кирпичном доме, посвистывали рубанки, гудели механические пилы. В этом доме ребята спешно делали весла по заказу армии.

Лязг и грохот стояли и в третьем доме: там ребята из слесарной мастерской Москворецкого района делали приспособления, для того чтобы весла можно было складывать пополам...

Скоро тысячи новеньких с блестящими уключинами весел прибыли на фронт в различные части. А бойцам даже и в голову не приходило, что эти весла с начала до конца сделаны руками московских ребят.

* * *

Шестнадцать тысяч человек — это целая армия! Шестнадцать тысяч триста ребят-москвичей не старше 15 лет занимались этим летом в трехсот семидесяти пяти учебно-производственных мастерских. Они пришли в мастерские, ничего не умея делать, не зная ни одного ремесла. А теперь юные москвичи уже сдали государству различных изделий на несколько миллионов рублей. Теперь это армия умелых, имеющих специальность ребят, готовых в любую минуту пойти на заводы и фабрики.

* * *

Ох, как сложно казалось раньше починить себе блузку, переделать платье! Нужно было просить об этом маму или идти к портнихе. Теперь девочкам из швейной мастерской Фрунзенского района даже смешно вспоминать, какие они были беспомощные! Посмотрите на этот плащ. Он сделан из резины, покрытой красивой серебряной краской. Девочки сшили за лето сотни таких плащей. Вот синий морской китель. Чтобы сшить его, нужно уметь кроить и стачивать, нужно ровно и быстро строчить на швейной машинке. Сколько мелкой и кропотливой работы идет на то, чтобы сделать воротник, манжеты, обметать петли! Юные швеи сшили 276 суконных кителей и 360 спецовок-кителей и брюк — из легкой материи.

* * *

Башмаки носит каждый из вас. Но попробуйте-ка сделать сами пару хотя бы самых простых туфель! Это очень сложно.

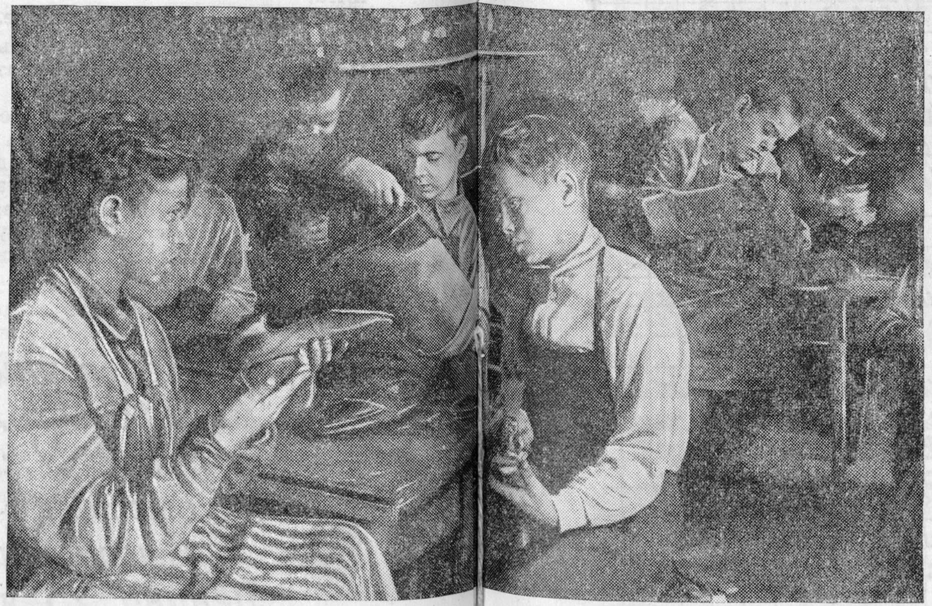
Когда Вася Круглов, смущенный и довольный, поставил перед мамой новенькие, красивые тапки, та прямо ахнула от удивления.

— Сынок, да неужто это ты сделал сам? — сказала она.

Вася сделал тапки маме в подарок. Научился он сапожничать в мастерской. Дружно работает группа юных сапожников Москворецкого района. Почти все они отличники. Петрухин Витя самый умелый и старательный из всех ребят. Он разбирается в работе, как заправский сапожник. Поэтому его уже назначили помощником мастера.

Вот пара ботинок. Один еще «просит каши». Другой крепкий и целый, его хоть год носи. Совсем недавно он был таким же изношенным и ветхим, как его сосед. Починил ботинок Сережа Рябчиков. Сейчас он примется и за второй.

Этой зимой Сереже пришлось испытать много горя. Деревня, где он жил, была занята фашистами. Сережа видел, как немцы избивали и расстреливали людей, как поджигали дома. Он никогда не забудет этого! Наконец, пришли наши и выгнали проклятых фашистов! Сережа приехал в Москву и поступил в мастерскую, чтобы научиться какому-нибудь ремеслу и помогать бить врага. Как он радовался, что кругом друзья, что снова можно работать и учиться! А особенно ему приятно, что он работает для фронта: ведь ребятам приходится чинить и красноармейские ботинки. Сережин молоток стучит громче и веселее всех. Он начал учиться совсем недавно, но уже догоняет товарищей.



— Здесь шов клади в две нитки,— объясняет Витя Петрухин товарищу.— Заплатку сначала пришей сверху, а потом зашьешь под подметку.

* * *

Аналитические весы—сложный и тонкий прибор, необходимый в лабораториях заводов для очень точных измерений. Серьезный ремонт весов делают ребята в весовой мастерской Киевского района. Здесь нужны острый глаз, точные и осторожные движения, твердая рука. Все это есть у ребят из весовой мастерской Киевского района. Мастерская славится на всю Московскую область. Поэтому здесь много заказов. Десятки весов из разных городов дожидаются своей очереди. Ребята никогда не подводят заказчиков: они сдают работу в срок.

«Второй мастер» — так зовут Колю Андрианова товарищи по мастерской. Прозвище дано не зря: Коле можно доверить самый ответственный ремонт.

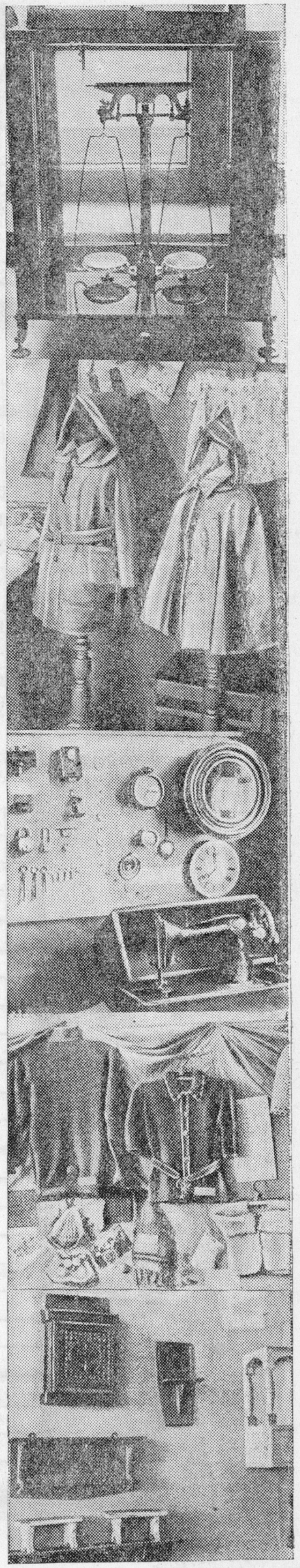
Есть весы, у которых такая мелкая микрошкала, по которой измеряют вес, что на деления нужно смотреть в лупу. Если после ремонта стрелка будет давать хоть самое крошечное, в десятых долях миллиграмма, отклонение,— вся работа никуда не годится. Представляете себе, как много нужно внимания и уменья, чтобы хорошо починить такие точные весы?

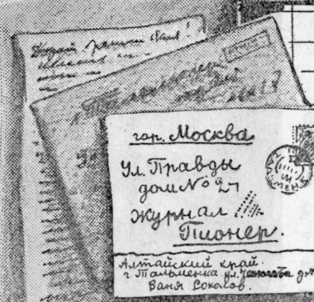
Коля работает без брака. Его весы всегда получают паспорт от государственного поверителя, принимающего работу мастерской.

* * *

Сапожники и портные, слесаря и вязальщики, столяры и жестянщики, кукольники и электромонтеры — да всех их и не перечислишь, будущих рабочих, ребят, пожелавших овладеть мастерством. Все они патриоты своих мастерских, своего ремесла, все они с гордостью говорят о своих изделиях, о том, что они дали фронту. Правда, ведь это очень приятно — научиться делать собственными руками такие замечательные вещи!

За добросовестный труд, за помощь в тяжелое время родина скажет спасибо юным мастерам.





Мой лицевой счет за 2 месяца

Дорогая редакция!

Пишет вам пионер Ваня Соколов, ученик 6-го класса из города Тальменка, Алтайского края. Хорошо и дружно жила наша семья до войны. Особенно любил я воскресенья, когда брат Володя брал меня с собой в бор на охоту. Он был лучший слесарь на заводе и хороший охотник. Я его очень люблю. Когда началась война, Володя ушел на фронт. Он часто пишет домой короткие открыточки. Однажды и мне прислал письмецо.

«Дорогой братишка Ваня!

Все твои письма получил. Молодец, что работаешь в колхозе.

Вчера геройски погиб мой лучший друг комсомолец Коля Храмов. С ним мы делили все трудности фронтовой жизни, и смерть его — для меня большое горе. И я был легко ранен в руку, но не ушел с поля боя. Памятью друга клянусь, что буду мстить врагам за его смерть.

На моем лицевом счету уже записано 89 уничтоженных фрицев и 2 подбитых танка. Но от моего автомата лягут еще десятки фашистов.

Помни, дорогой Ваня, что для тебя колхозное поле — это поле боя.

Твой брат Володя».

Чтобы не стыдно мне было перед Володей, когда он вернется, я решил тоже завести свой лицевой счет и записывать туда все, что сделаю полезного.

Посылаю вам свой счет за два месяца.

2 Августа. Воскресенье — Всем звеном ходили в лес собирать для госпиталя лекарственные травы и грибы. Я собрал 215 грибов.

4 Августа — У Васи Трошина из 5ª переэкзаменовка по русскому. Вечером он ходит по двору с книгой и все шепчет правила. Договорился, что через день буду с ним заниматься. Сегодня в первой диктовке он сделал 12 ошибок.

10 Августа — Мы догоняем звено девочек. Люся Ситникова показала нам, как быстро вязать снопы. Сегодня я связал 200 снопов.

16 Августа — Тетя Лиза усыновила трехлетнего Толю. Отец у него на фронте, а маму убили немцы. Очень хороший мальчик. Весь день сегодня делал ему игрушки. Сделал тачку, грабли, лопатку.

20 Августа — Сегодня наша бригада свезла на элеватор первый пионерский обоз хлеба нового обмолота

для родной Красной Армии.

23 Августа — Из госпиталя вернулся наш сосед по дому — механик Петр Степанович Таушкин. Он инвалид — миной ему оторвало кисть правой руки. Год он не был в своей комнате, там было очень пыльно и грязно. Попросил его посидеть у нас. Быстро вытер везде пыль, принес воды, Варя вымыла пол. Взяли у мамы чистое белье и постелили. В домоупр. получил для него карточки и принес хлеб. Буду это делать каждый день.

30 Августа — Сегодня воскресенье. Убирали школьный двор и пилили дрова. Мы с Сашей перепилили 2 кубометра.

5 Сентября — Сегодня бригадир объявил наши трудодни. У меня 142 трудодня.

10 Сентября — Взял в Райсобесе адреса инвалидов Отечественной войны. На Совете отряда рассказал, как я и Варя помогаем Петру Степановичу. Желающих оказалось очень много. Прикрепили к инвалидам лучших пионеров отряда.

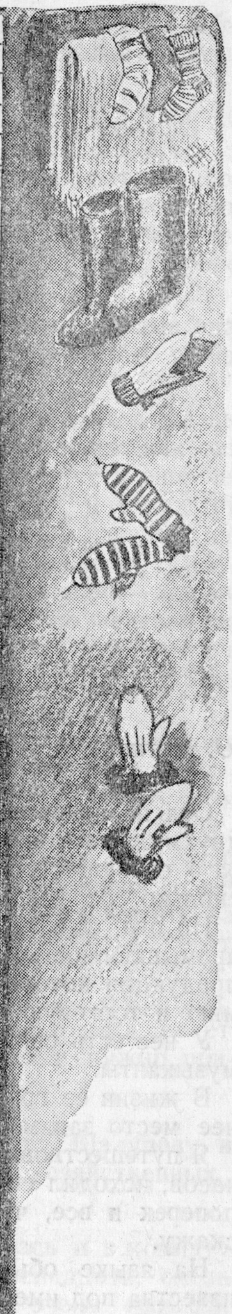
13 Сентября — Собирали сегодня теплые вещи для ребят нового детского дома. На своей улице я собрал: три пары теплых варежек, одни пимы, два платка, три пары шерстяных носков и $2\frac{1}{2}$ килогр. шерсти на пимы.

15 Сентября — Сегодня Вася Трошин сдал экзамен. В диктанте сделал 2 ошибки.

16 Сентября — Вместе с Сашей выкопали яму для хранения овощей матери красноармейца Бурцева.

19 Сентября — Многие эвакуированные не умеют рыть ямы для овощей. Всем звеном проверяли, у кого не вырыты ямы, объясняли, как это сделать. Многим поможем рыть.

27 Сентября — Поймал сегодня в силки лисицу алтайку. Сдал в фонд обороны.



Пионеры!

Каждый из вас сейчас — боец, потому что фронт всюду: и там, где сражаются с врагом, и там, где растят хлеб для армии, и там, где собирают металлический лом и делают оружие.

Красный галстук обязывает вас ежедневно помогать старшим дома, в школе, в колхозе. Немало полезных дел сделали вы в дни войны. Следуйте примеру Вани Соколова, заводите свои лицевые счета, тогда каждому из вас будет ясно видно, что вы сделали в помощь фронту. Если в вашем лицевом счете будут записаны отличные дела, вы с гордостью сможете подать заявление о приеме в Ленинский комсомол.

Пишите к нам в редакцию о своей работе, делитесь опытом с пионерами других отрядов, присылайте свои лицевые счета.

Ждем ваших писем.

РЕДАКЦИЯ.

Заседает штаб дружины.

Республика во дворе

Ю. Сотник

Она не нанесена ни на одну карту. Из двухмиллиардного населения земного шара о ее существовании знают лишь несколько сот человек.

Но она имеет свои микроскопические промышленность и сельское хозяйство, продукция которых идет в Красную Армию и торговую сеть Москвы.

У нее есть свои художники, артисты и музыканты.

В жизни ее граждан далеко не последнее место занимает просвещение.

Я путешествовал по ней в течение пяти часов, исходил ее за это время вдоль и поперек и все, что увидел, сейчас расскажу.

На языке обыденном эта республика известна под именем 2-й пионерской дружины Таганского района Москвы.

I. Прибываю в республику и беседую с ее главой

Держа в руках записную книжку с адресом, я стоял между больших, многоэтажных корпусов. По асфальтовой дорожке шли две девочки, таща куда-то швейную машинку. Я окликнул их:

— Девочки! Где штаб дружины?

Одна повернула ко мне красное с капельками пота на носу лицо и крикнула:

— Шестой, во втором, налево внизу!

— Где?— переспросил я, ничего не поняв.

Но они уже исчезли в каком-то парадном.

Мимо торопливо прошла группка мальчиков, о чем-то спорившая.

— Ребята! Где тут ваше начальство?

— Там,—махнул на ходу рукой один из них и продолжал спорить.

Минуты две я не мог добиться никакого результата. В огромном дворе было очень людно и суетливо. Десятки ребят куда-то спешили, о чем-то разговаривали, у всех был сосредоточенный, деловой вид, и никто не хотел обращать на меня внимания. Это было не особенно вежливо. Единственным извинением могло служить то, что ребята чем-то очень заняты. Я решил действовать иначе. Увидев маленького веснушчатого мальчишку, тащившего корзинку с пузырьками от лекарств, я взял его за плечо и сказал внушительно:

— Погоди немного. Не спеши. Я сотрудник журнала «Пионер». Мне срочно нужно видеть кого-нибудь из руководителей дружины.

— Вожатой сегодня нет,— ответил мальчишка, тяжело дыша.— Начальник штаба есть.

— Начальник штаба, так начальник штаба. Быстро! Позови его!

Мальчишка затрусил рысцой, болтая своей корзинкой и крича каждому встречному:

— Эй, Чухман! Где Чухман? Эй, Катя? Скорее сюда! Тут товарищ приехал.

Катя Чухман.

Через пять минут ко мне подбежала девочка лет тринадцати, круглолицая, светловолосая, в синей юбке, белой кофточке и при пионерском галстуке.

— Катя Чухман, — представилась она.

Я сказал ей, зачем пришел.

— Пойдемте в пионерскую комнату. Там поговорим.

Пионерская комната была невелика, но очень опрятна и уютна. На стене висели портреты вождей, рисунки ребят, тщательно сделанные стенгазеты, большая красная доска. На ней сверху было написано: «Наши подарки бойцам»,— а под надписью были прикреплены кисет, носовой платок, блокнот, конверт, расческа и зубная щетка. На столах, покрытых темными скатертями, лежали десятки самодельных альбомов. «Отважные кавалеристы», «Танкисты в бою», «Русская женщина», «Нашествие Наполеона», «Зверства гитлеровских людоедов» — прочел я заглавия и, перелистав альбомы, увидел там рисунки, фотографии и вырезанные из журналов и газет статьи.

Мы с Катей сели за стол и начали нашу беседу:

— Расскажи мне о дружине. Сколько в ней человек, как она управляется? Чем вы занимаетесь?

— Что мне вам рассказать? Человек в ней — сто пятьдесят. Они разбиты на четыре отряда. В каждом отряде есть свой начальник, как везде, есть звенья, а ими руководят звеньевые.

Дверь открылась. Вошел тот самый мальчишка, который отыскал мне Катю.

— Чухман, кому пузырьки сдавать? Лена в госпиталь ушла.

— Мне сдашь. Посиди немного. Ну вот. У нас есть вожатая Маруся. Но она только помогает нам советами, а мы все делаем сами. Раза два в неделю собирается штаб дружины и решает самые главные вопросы.

Снова открылась дверь, и вошла девочка:

— Катя, у нас двадцать пятого сбор отряда на тему «Великие полководцы земли русской», и наше звено собирается разучить песни о Кутузове и Суворове. Где их достать?

— Сейчас. Посиди. Самые главные, значит, вопросы. Об учебе, о работе в мастерских, о сборе лома...

Свои решения штаб проводит в жизнь: распределяет задания, проверяет, как они выполняются. Потом у нас есть еще четыре тимуровских команды, и у каждой свой капитан, а над ними — главный капитан тимуровцев Маня Зенкова. Тимуровцы ухаживают за малышами—детьми мобилизованных,— следят по вечерам за светомаскировкой, помогают спуститься в убежище старикам и женщинам с детьми, если тревога... Ну, что тебе?

Разговаривать с Катей было трудно. Комната постепенно наполнялась девочками и мальчиками, которые требовали немедленного разрешения самых неотложных вопросов. Какую-то Веру назначили сегодня дежурить по маскировке, а она должна идти в госпиталь ухаживать за ранеными бойцами. Некая Тося не хочет играть в пьесе Архиповну, она считает, что ей лучше удастся роль секретаря. Какой-то Левка на сборе отряда ведет себя недисциплинированно, и нужно принять строгие меры.

II. Мне представляют Зину Шалупову, и я присутствую на сельскохозяйственных работах

Вдруг дверь распахнулась и в комнату вбежала девочка лет двенадцати, очень маленькая, курчавая и с очень громким голосом.

— Я не понимаю!—закричала она, даже не взглянув на меня.— Огурцы надо собирать, а где люди? Репу пора убирать! Хотите, чтобы она затрухлявила, да? Так и скажите!

— Не пищи, пожалуйста,—спокойно ответила начальник штаба.— Во дворе уже собралось второе звено четырнадцатого отряда,— и, обращаясь ко мне, пояснила:—Это Зина Шалупова, ответственная за огород.

Я подумал, что Катя сейчас очень нужна ребятам, и решил пойти взглянуть на сельскохозяйственные работы. Вместе с Зиной и ребятами я отправился на огород.

На площадке, перед зданием заводского детского сада, была взрыта земля, и там ярко зеленели помидоры, подымались ровные темные стрелочки лука, сизыми пятнами на темной земле выделялись листы капусты.

Сидя на корточках у грядки, Зина делала сразу три дела: собирала огурцы, следила за работающими мальчиками и отвечала на мои вопросы.

— Мы его вскопали сами весной,—отрывисто говорила она.— Земля, как камень. Долбили, долбили ее лопатами!.. Все руки обмозолили. Леонид, ты брось морковку, там и без тебя справятся. Переходи на свеклу! Потом посеяли. Потом стали полоть. Тут здорово помучились... Никто агрономии не знал, кто морковку вместо лебеды повыдергает, кто в огурцы ногами залезет... Ничего! Потом освоились. А вообще...

Вдруг она вскочила, перепрыгнула через несколько грядок и схватила за руку маленького, веснушчатого мальчишку лет десяти, который только было собрался отправить в рот красную помидорину.

— Ты что: хочешь, чтобы я о тебе в штабе вопрос поставила? И поставлю!

— Да она же во какая! Куда ее?!—оправдывался мальчишка.

— Один скажет «во какая», другой скажет «во какая», так все и порастащат!

— Вы что, весь урожай между собой делите?— спросил я Зину, когда она вернулась к огурцам.

— Вовсе нет. У нас девочки в подшефном госпитале помогают за ранеными ухаживать. Мы и туда сдаем.

III. Я знакомлюсь с промышленностью и узнаю ее историю

Уйдя с огорода, я снова пришел в пионерскую комнату, но Кати уже там не застал.

— Она в мастерской,— сказал сидевший за столом мальчик.

— А где мастерская помещается?

Получив ответ, я отправился в швейную мастерскую, находившуюся в том же корпусе, только в другом подъезде. В коридоре было много дверей. Толкнув одну из них, я понял, что это не швейная мастерская, а нечто другое.

Прямо передо мной, в противоположном углу комнаты, пасся большой табун коричневых с черными гривами лошадок, каждая вышиной сантиметров двенадцать. Рядом акуратными рядами выстроились, как на параде, белые курочки, а чуть подальше — собачки с задорно поднятыми хвостиками. Слева на столе я заметил целый гарнитур яркой кукольной мебели. В комнате было еще несколько столов, за которыми сидели и стояли десятка полтора ребят и что-то пилили, клеили, красили.

Ко мне подошел высокий худощавый человек, и от него я узнал следующее.

Однажды в комнате, предоставленной домоуправлением, собрались 16 мальчиков и учитель рисования тов. Косырев, который принес шаблоны, изображавшие лошадок, собачек и петушков.

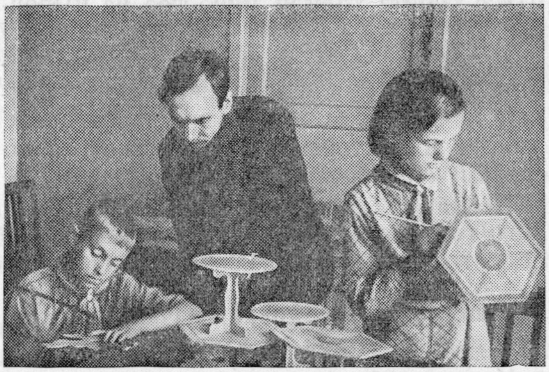
Обводя шаблоны карандашом, ребята получили таким образом на фанере рисунки животных и начали их выпиливать новенькими, только что приобретенными лобзиками.

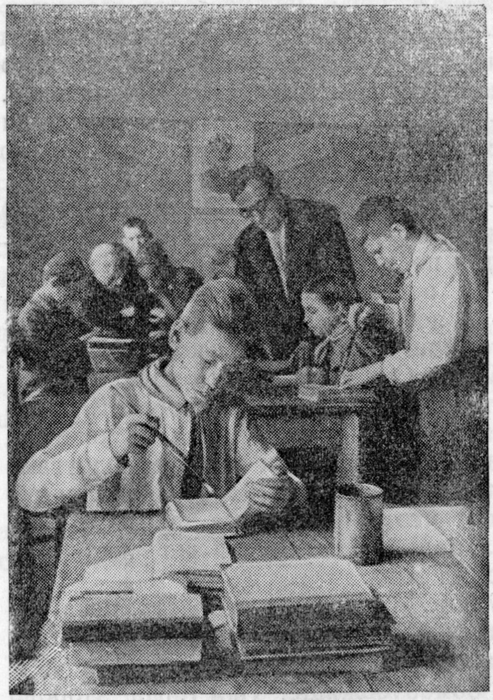
Говорят, что в эти торжественные минуты в комнате царило абсолютное молчание. Через полторы минуты Валя Сергеев тихонько сказал: «Амба!»—и с досадой потрогал пальцем лопнувшую пилку. Еще через минуту Витя Николашин судорожно вздохнул. К концу дня в мастерской насчитывалось 82 лопнувших пилки и ни одной готовой курочки, лошадки или петушка.

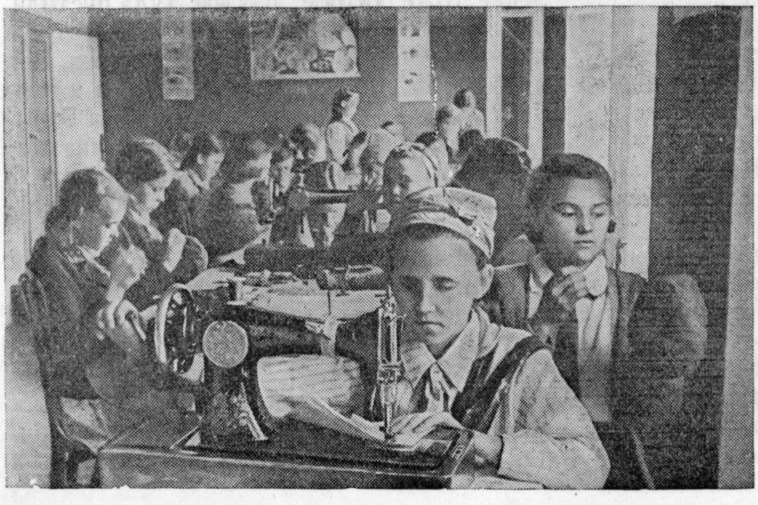
Выпиливание лобзиком—все равно что плавание и езда на велосипеде. Сначала вы напрягаете все силы, чтобы не отклониться корпусом ни вправо, ни влево, вы вцепляетесь в руль до боли в суставах, вы стараетесь как можно ровнее двигать ногами—и ровно через секунду съезжаете в канаву. Через месяц вы можете проехать по одной доске, держа руки скрещенными на груди, и позевывать, глядя в небо. Вам кажется, что это не вы натренировались, а велосипед приобрел устойчивость.

Через несколько дней упорной борьбы с лобзиками первая партия фанерных изображений лошадок, собачек и курочек была готова. А потом наступил самый торжественный момент.

Тов. Косырев, Гена Кузнецов, Жора Карагодин и еще несколько ребят сложили продукцию в мешки и, провожаемые взволнованной мастерской, отправились







сдавать своих зверей в Таганский детский универмаг. Там их приняли под расписку.

Наступили самые мучительные дни. Все ребята по нескольку раз в сутки забегали в универмаг, старательно изучали содержимое полок и замирающими голосами спрашивали:

— А скажите: у вас лошадок таких, фанерных, коричневых, с черными гривами, нет?

— Нету.

— А курочек... пестреньких таких, знаете?..

— Нету.

— Странно... Везде есть, а у вас нету... А собачек беленьких с пятнами?

— И собачек нету.

Но однажды, когда все были в мастерской, туда бомбой влетел Ваня Сергеев.

Он только что заходил в магазин. Зверей пустили в продажу только сегодня. Все лошадки и собачки распроданы, осталось лишь несколько курочек.

Мастерская работает уже несколько месяцев. Ребята освоили новые образцы игрушек: кукольные столы, стулья, кровати. У них установлена своя дневная норма и есть уже стахановцы.

Распростившись с мастерами игрушек, я отправился в швейную мастерскую.

В двух больших комнатах стучали швейные машины всех сортов и размеров. Тут были и «Зингер» с золотым сфинксом на корпусе, и наши советские машины, и какие-то угловатые приземистые сооружения, которые можно увидеть только в музее или в доме, где есть бережливая бабушка. Среди сорока пяти девочек, шивших под руководством учительницы Марии Тихоновны Грушиной, я увидел и Катю Чухман. Сейчас она была не начальником штаба, а рядовой швеей.

Я узнал, что за два с лишним месяца существования мастерской 700 вышитых тюбетеек и 600 детских капоров получили отсюда московские магазины; 250 рубашек и 300 штанов отправлено в армию, 200 кисетов послано на фронт в подарок бойцам.

И я узнал также, что в библиотеке при завкоме «Шарикоподшипника» много книг с акуратными, добротными переплетами. В канце-

ляриях завода много блокнотов, бухгалтерских журналов и папок, не похожих на те, что продаются в магазинах. Все это продукция переплетной мастерской пионердружины № 2.

Так зародилась и так работает эта маленькая, но «настоящая» промышленность.

IV. Я убеждаюсь, что постановления штаба дружины проводятся в жизнь быстро и эффективно

Мы шли с Катей по коридору, о чем-то разговаривая.

— Т-ш-ш! — сказала вдруг Катя. — Здесь занимаются.

И прошла мимо одной из дверей на цыпочках. Я остановился и слегка приоткрыл двери.

За низенькими столами сидели в комнате ребята лет по восьми, по девяти. Перед каждым из них лежала тетрадка.

— Тома Светлова сейчас решит такую задачку, — услышал я голос учительницы: — У мальчика в правой руке два ореха, а в левой — три. Сколько всего у него орехов?

Тома встала, подняла глаза к потолку и с минуту молча шевелила губами.

— Пять, — сказала она тихо.

— Правильно. Ставлю тебе «отлично», Тома.

Это было в начале лета.

Заседал штаб дружины. Начальник штаба, капитаны тимуровских команд, вожатые отрядов и звеньев слушали, что говорила вожатая Маруся:

— Прошлую зиму вы почти не учились. Нужно как-то наверстать потерянное. РайОНО вам дает педагогов. Нужно организовать учебу летом.

Обсуждалось это выступление недолго. Маня Зенкова записала в протокол:

«Постановили: Помочь педагогам организовать группу младших ребят, чтобы они занимались по школьной программе. Для этого: подготовить помещение, провести запись ребят, провести сбор учебников. Назначить ответственным за это Гену Тарасова».

Двенадцатилетний Гена энергично принялся за работу. Вскоре в одной из комнат были установлены столы и стулья, из школы перетащена классная доска, собраны среди старших ребят ненужные им учебники для младших классов.

С тех пор ежедневно, в определенные часы, дверь этой комнаты была закрыта и все ребята ходили мимо нее на цыпочках.

Наладив учебу малышей, старшие ребята тоже принялись за книги: по вторникам и четвергам они занимались после работы в мастерских математикой, а по средам и субботам — русским языком.

Недавно я узнал, что к началу учебного года все пионеры дружины хорошо подготовились.

V. Еще раз побеседовав с начальником штаба, я ухожу

Мы снова были в пионерской комнате.

— Катя, когда организовалась ваша дружина?

— Организовалась она в ноябре тысяча девятьсот сорок первого года. Только сначала это был форпост, а не дружина.

— Как раз тогда, когда немцы были совсем близко от Москвы. Чем вы до этого занимались?

— Мы тогда ведь не учились. Кто книжки читал, кто дрался друг с другом. Смотря по вкусу. Паршиво жили!

— А потом?

— А потом я встретила как-то на улице учительницу из нашей школы Надежду Глебовну. Она сказала, что хочет организовать здесь пионерский форпост, и попросила, чтобы я ей помогла. Я, конечно, очень обрадовалась и стала с подругами бегать по квартирам и говорить всем ребятам, что открывается форпост. Мы тогда целый день бегали по лестницам вверх да вниз.

Ну вот. Мы решили не ждать, пока все желающие запишутся, и сразу приняться за работу. Помещение нам дали в детском бомбоубежище. Нам тогда здорово досталось с этим убежищем. Домоуправление тоже хитрое: раз нас туда пустили, значит, мы и отвечаем там за чистоту и порядок. Вот, значит, Вася Митюшин, Зоя и Лида Чубаровы, Юля Власова и я принялись мыть его и скрести, а Шура Базыров, Женя Кирьянов и Валя Шушкина стали таскать туда столы, шкафы, книги и всякие другие вещи. К вечеру все сделали — сели отдыхать, сидим и любуемся. Вдруг слышим: «Гра-жда-не! Воз-душ-ная тре-во-га!» У нас уже за каждым была закреплена какая-нибудь семья, которой мы должны помочь сойти в убежище. Мы сразу отправились по квартирам и обратно, грудных младенцев тащим, слабых старушек под руки ведем, а на дворе темно, дождь идет, слякоть!.. Приходим в

убежище, а там уж его все заследили. На следующий день мы опять убирать. А вечером опять: «Гра-жда-не! Воз-душная тре-во-га!»

— Так всё время и убирали?

— Так и убирали. Только потом легче стало. Многие другие ребята записались. Наладили дежурство, кто-то даже половичок принес, чтоб ноги вытирать...

Вот. А потом, чтобы привлечь побольше ребят, мы решили устроить елку. Стали готовиться. Одни стихи разучивали, песни, пьески и танцы, другие готовили украшения, третьи в Таганском райкоме комсомола договорились о подарках. Весь декабрь готовились, потому что еще много всяких других дел было.

— Каких дел?

— Ну там, дежурили, за маскировкой следили, лом собирали. Мало ли каких! Вот. Елка у нас была целых тринадцать дней. Потому что не всех ребят ведь пустишь сразу. Сегодня — для самых малышей, завтра — постарше, послезавтра — еще постарше. А после елки из райкома нам прислали вожатую — Марусю Панферову. Она решила из форпоста создать дружину, потому что очень много было желающих.

Конец путешествия

Я распрощался с ребятами, вышел из пионерской комнаты во двор и долго стоял там, оглядываясь. Уже почти стемнело, но во дворе было оживленно и людно.

Вот прошли две девочки, неся в руках байкового медвежонка, игрушечную тачку и коробку с кубиками. Я знал, что это тимуровки, возвращающиеся от малышей, с которыми они играли, пока мать ходила в магазин.

Прошла группа ребят, неся куда-то пестрые костюмы. Я знал, что это участники драмкружка, который каждые две недели дает концерты для ребят и для раненых бойцов в подшефном госпитале.

Пробежал торопливо маленький мальчишка, таща в охапке пустые бутылки. Я вспомнил, что их дружина собрала 1300 штук. Я вспомнил также, что ребята собрали 14 тысяч кило металлического лома, и сравнил этот вес с весом грузовика «ЗИС» в полторы тонны.

Из окна за моей спиной донеслись дружный, многоголосый смех и хлопки. Я обернулся. У двери висела афиша: «Сегодня кино «По щучьему веленью». Механиком в здешнем «кинотеатре» был пятнадцатилетний Шура Базырев из этого дома.

Становилось темнее. Двор пустел. Неторопливо расхаживали маленькие дежурные, поглядывая на бесчисленные окна многоэтажных корпусов.

Над домами в высокое, чуть зеленоватое небо с бледными звездами, подымались черные силуэты аэростатов воздушного заграждения.

О чем рассказали следы

(Продолжение).

Подполковник Н. Баканов — *Рис. О. Верейского*

ГУЩИН ИДЕТ С ДОНЕСЕНИЕМ

Тимкин разбудил Воробьева и приказал ему, двигаясь по азимуту 260, выйти к речке и там выбрать место для жилья разведчиков.

Потом сержант вынул карту и при помощи циркуля начал производить какие-то вычисления. Я давно заметил, что карту он читает очень хорошо и часто прибегает к ее помощи. Участок, на котором действовали разведчики, почти весь был покрыт лесом. Здесь было очень мало ориентиров, но командир никогда не ошибался. Он умело разбирался в горизонталях и всегда ориентировался по рельефу местности. Ни одну высотку и лощинку сержант не оставлял без внимания.

— Смотрите, товарищ командир,— сказал мне Тимкин,— самое удобное место, где можно расположиться, по-моему, здесь, у реки. Но хутор меня смущает. Немцы сюда могут пожаловать каждую минуту.

Действительно, выбор Тимкина был очень удачен. В пяти километрах северней находился стык двух шоссейных дорог. На юге, примерно на таком же расстоянии, проходила магистраль.

— А почему вас речка притягивает?— спросил я сержанта.

— Да подступы хорошие. Выставлю я наблюдательные посты. Один у стыка дорог на опушке леса, другой — у магистрали. Донесения мне будут доставлять. А чтобы следов не было, я и хочу использовать речку. Бойцы к центральной нашей группе — к ядру — будут подходить по воде, и никаких примет немцы не увидят.

— Это вы хорошо придумали!— согласился я.— Хутор тоже не должен вас смущать. Ведь ядро можно расположить немного севернее — и все будет в порядке.

Через два часа все отделение было на выбранном Тимкиным месте. Крутой склон обрывистого берега густо зарос кустарником. Здесь сержант и расположил ядро разведывательного отделения, а неподалеку на высокую густую ель посадил наблюдателя. У подножия дерева, в папоротнике, замаскировался второй боец, выполнявший обязанности связного.

Оставив заместителя, Тимкин, взяв с собою Гущина, меня и одного бойца, пошел на опушку леса. Отсюда мы уже хорошо видели стык дорог и фигуры двух немецких регулировщиков.

— Здесь и располагайтесь,— сказал сержант Гущину.— Записывайте все, что увидите. С наступлением темноты я вас сменю.

Тимкин с бойцом ушли. Мы остались вдвоем. Отрыли себе в земле ячейки, замаскировали их свежими ветвями. Даже вблизи наш наблюдательный пункт был совершенно не виден.

К вечеру вдали послышался глухой шум: по дороге шли немецкие войска.

— Идет пехота: смотрите, пыль низко стелется,— сказал Гущин.

Он сделал в блокноте запись: «С запада в 16.20 появилась колонна пехоты». Когда головные солдаты подошли к стыку дорог, Гущин заметил время. Хвост колонны прошел стык через 12 минут.

— Не меньше батальона прошло,— сказал Гущин.

— Да, так и записывайте. Четыре километра пехота проходит шагом за пятьдесят минут. Стало быть, прошла колонна длиною в один километр, а это и есть батальонная колонна.

— А ротная колонна какой длины?

— Рота пехоты на походе занимает в глубину 200 метров, а полк — 4,5 километра.

— Это очень важно знать. Я записал себе.

Некоторое время мы молча лежали. В воздухе чувствовалось какое-то беспокойство. Над лесом с криком летали стаи ворон. Где-то вдали слышался глухой прерывчатый шум. Над северной дорогой заклубилась пыль. К стыку дорог шла артиллерия на конной тяге.

— Интересно, куда она повернет? — тихо сказал Гущин.

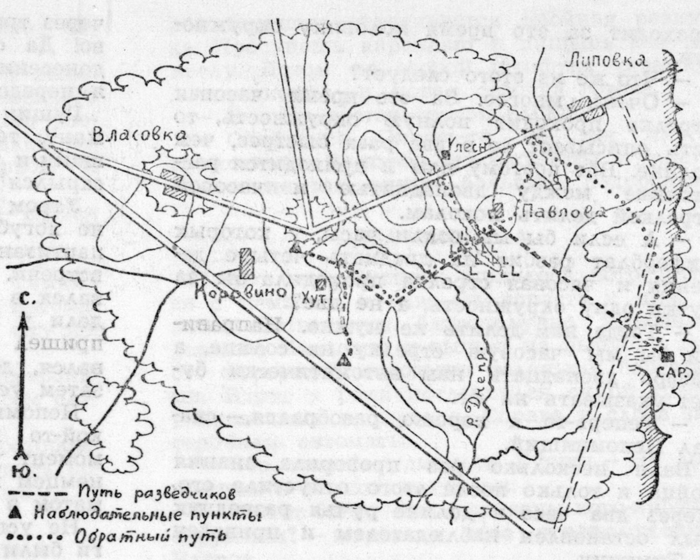
Артиллерия повернула на северовосток вслед за пехотой. Мы установили, что прошло артиллерийское подразделение длиною в один километр. Затем появилась артиллерия на механизированной тяге. Длина этой колонны была 2,5 километра

— Сколько же тут артиллерии прошло? Наверное, целый полк?

— Нет. Полк артиллерии на конной тяге занимает в глубину 4,5 километра, а на механической тяге — 12 километров. Прошли два дивизиона. Один на конной тяге, другой — на механической.

Перед наступлением темноты с запада снова появилась колонна пехоты. Она шла около часа. Противник явно сосредотачивал силы на северовосточном участке фронта. Подтягивал резервы пехоты из глубины, а с северных участков снимал артиллерию. Об этом мы и доложили сержанту.

На трассе также заметно было большое оживление. Сменившийся Воробьев рассказал, что мимо его наблюдательного пункта прошла на северозапад колонна танков длиною в 6 километров.



— Это как раз два батальона,— сказал Тимкин.— Только интересно, почему танки двигались с фронта в тыл? Непонятно.

...Между тем Валя с Непомнящим благополучно добрались до деревни Павловки. Партизан им здесь застать не удалось. Женщина, в избе которой встретилась тот раз Валя с начальником партизанского отряда Гаевым, не знала, куда ушли партизаны.

Разведчица рассказала ей, что произошло в деревне Коровино.

— Вот ироды! — разволновалась колхозница.— Что же нам теперь делать? Кто знает, когда вернутся партизаны, а нужно бы коровинцам помочь. Знаете что, здесь есть один партизан, наш, местный. Его можно бы отправить в Коровино. Да ведь старик-то не признает его. А то он человек боевой. Может, женщин арестованных выручит. А уж с Охломоном Гаев сам сочтется.

Валя подумала и сказала:

— Ну что же, я туда иду. И сумею устроить встречу партизана с дедом Карташом.

Непомнящий очень удивился, когда увидел возвращавшуюся из деревни Валю с низеньким, коренастым человеком. Лицо у партизана почти сплошь заросло рыжими волосами. На вид ему было около пятидесяти лет, но он был крепкий и плотный.

До лощины разведчики добрались благополучно. Здесь Валя решила остаться и ждать указаний Тимкина, а Непомнящего послать на розыски отделения.

— Я буду ждать, а ты отправляйся и доложи обо всем.

— Хорошо, только ты знаешь что, Валя, дай мне компас. Я свой потерял.

— Вот это здорово! Мой-то компас в ранце был вместе с красноармейским обмундированием, а ранец ты постарался в Днепр сплавить. Как же быть?

Положение казалось безвыходным. Валя знала, что с этого места Тимкин особенно тщательно будет маскировать свои следы и вряд ли даже самый опытный разведчик сумеет их распутать.

— Азимут ты помнишь? — спросила Валя.

— Конечно, помню. Азимут 260, и дальше знаю, как пройти и отыскать.

— Постой, постой, да ведь 260 — это почти на запад. Часы у тебя есть?

— Всегда при себе держу. Отцовские еще,— ответил Непомнящий и вынул из кармана большую металлическую луковицу.

Валя положила часы на руку, направила часовую стрелку на солнце.

— Юг у нас здесь. Стало быть, тебе нужно идти в этом направлении.

— Как же это получается? Выходит, часы вместо компаса могут служить.

— Смотри сюда: сейчас у нас ровно четыре часа вечера. Часовую стрелку мы направили на солнце. Теперь нам расстояние между цифрами двенадцать и четыре нужно разделить пополам. Это будет как раз у цифры два. От центра часов к цифре два положим спичку, это будет направление на юг. Ясно?

— Ясно, но не все. Ведь часовая стрелка по солнцу ходит, а в двенадцать часов солнце всегда бывает на юге. Вот мне непонятно, почему мы расстояние делим пополам.

— Солнце на востоке всходит весной в шесть часов утра, а заходит на западе в шесть вечера. Таким образом, дневной путь солнце совершает за двенадцать часов и

проходит за это время половину окружности.

— Что же из этого следует?

— Очень многое. За это время часовая стрелка проходит полную окружность, то есть описывает ее в два раза быстрее, чем солнце. Вот поэтому нам и приходится расстояние между двенадцатью и часовой стрелкой делить пополам.

— А если бы мы взяли часы, у которых циферблат разбит на двадцать четыре деления и часовая стрелка проходила бы за сутки одну окружность, а не две?

— Тогда нам делить не нужно. Направили бы мы часовую стрелку на солнце, а цифра двенадцать нам автоматически будет указывать на юг.

— Теперь-то я хорошо разобрался,— сказал Непомнящий.

Валя несколько раз проверила знания бойца и только после этого отпустила его. Через два часа в долине ручья разведчик был остановлен наблюдателем и приведен к Тимкину.

Сержанту не понравилось валино решение.

— Конечно, помочь партизанам нужно, но для этого нет никакой надобности рассказывать им, что здесь работают разведчики.

— Да ведь мы же никому ничего не говорили,—оправдывался Непомнящий.— Все разговоры мы с Валей вели так, что партизан ничего не слышал.

— Это, конечно, хорошо. Но все же он подозревает, что в лесу есть красноармейцы.

Посоветовавшись с товарищами, Тимкин решил отправить Непомнящего обратно.

— Утром сведите партизана со стариком. И больше в это дело не вмешивайтесь. Деду ты не показывайся, а партизана предупреди, чтобы никому не рассказывал о том, что здесь он видел красноармейца.

Знакомой дорогой Непомнящий отправился обратно.

Ночью Тимкину стало понятно, почему по трассе танки шли на северозапад. Ровно в двадцать четыре часа танковая колонна была зафиксирована наблюдателями поста номер один. Танки шли туда же, где скрылись пехота и артиллерия.

— Сведения очень важные,— сказал бойцам Тимкин.— Товарищ Гущин, собирайтесь в путь. Вместе с красноармейцем Норкиным пойдете в полк с донесением.

Ночь была темная. Накрывшись шинелью, Тимкин при свете фонарика составил Гущину схему азимутов обратного маршрута и здесь же написал донесение. Передавая его разведчику, он сказал:

— Передашь на словах: с севера немцы снимают артиллерию, с юга — танки. Пехоту подтягивают с тыла. По шоссе на северозапад сегодня прошло: пехотный полк, два дивизиона артиллерии, два батальона танков. Мы здесь пробудем еще два дня. Если немцы в течение следующих суток будут еще подтягивать резервы, вышлю второе донесение. На болоте, там, где канава начинается, будешь все эти дни дежурить. Сам и донесение примешь, если пришлю, а через три дня нас встретишь. Ну, счастливо! Да смотри, если немцев где увидишь, донесение уничтожь, там написано то, что я передал тебе на словах.

Гущин повторил все, что сказал ему сержант, тепло простился со своими товарищами и вместе с красноармейцем Норкиным скрылся в ночной темноте.

Утром произошли события, которые едва не погубили все дело. На рассвете Валя с партизаном и Непомнящим были на месте встречи. Непомнящий хорошо замаскировался в кустарнике, а Валя и партизан сидели у пенька, поджидая старика. Вскоре пришел и дед Карташ. Он очень обрадовался, долго жал руку Вале и партизану, а затем уселся на бревне рядом с ними.

Непомнящий вправо от себя уловил какой-то подозрительный шум и в тот же момент увидел немецкого солдата. Рядом с немцем шел высокий, худой старик с автоматом в руках.

Не успел разведчик опомниться, как враги были уже на полянке.

— Хальт! — закричал немец и в упор наставил винтовку на партизана. Старик навел автомат на Валю.

Непомнящий лежал в пятнадцати шагах от того места, где происходили эти события. Он видел, как немец начал обыскивать партизана, на которого предатель наставил автомат, как дед Карташ, стоявший в пяти шагах, вдруг рванулся вперед и головой сильно ударил худого старика в живот. Послышалась длинная очередь из автомата. Старики покатились на землю.

Валя бросилась помогать деду Карташу. Ей удалось вырвать из рук предателя автомат.

Непомнящий выскочил из засады и прикладом ударил немца по голове. Фашист с раскроенным черепом рухнул на землю. Карташ с Валей связывали руки предателю.

— Что, выследил, иуда, на свою шею,— говорил Карташ.— Глаза бы на тебя не глядели. Против народа пошел. Как только земля носит тебя, окаянного!

— Что же нам теперь делать? — спросила Валя.

— Нужно немца убитого в землю спрятать, зарыть,— сказал партизан.— А этого

старого пса с собой беру. Пускай перед народом отчитается.

В глубокой яме, из которой бурей выворотило сосну, был зарыт труп немецкого солдата. Предателя Карташ и партизан увели в глубь леса. Непомнящий с Валей замаскировали на полянке следы борьбы и зашагали в свое отделение.

— Ну, попадет нам от сержанта,— сказал Непомнящий.

— За что?— спросила Валя.

— Первое дело — шум подняли. Тимкин ведь слышал, наверное, стрельбу из автомата. Да и дед Карташ — сержант ведь ему показываться не велел — увидел меня.

Тимкин и в самом деле очень расстроился, когда Валя доложила ему обо всем случившемся.

— Придется теперь действовать осторожней,— сказал он.— Ну, ладно! Еще денек поработаем, а там и обратно отправимся.

КОГДА ДОНЕСЕНИЕ ПИШЕТСЯ ДВУМЯ РУКАМИ

...Немцы попрежнему продолжали сосредотачивать свои части на северовосточном участке фронта. Почти до самого рассвета туда шли танки и грузовые машины с горючим и боеприпасами. Казалось, конца не будет бесконечному потоку машин.

В течение двух часов по трассе проходили пехотинцы. Впереди, на лошадях, ехали офицеры. Пыльные, грязные, они мало чем отличались от солдат. Некоторые солдаты отставали, выходили из строя и даже падали на обочинах дороги. Упавших подгоняли офицеры, ругаясь, а иногда и пуская в ход кулаки.

Когда стемнело, Тимкин сменил разведчиков. Он внимательно выслушал их доклады. Потом, устроившись в лощинке, сержант приготовился писать донесение, но фонарь не работал, а запасной батареи не было.

— Как же теперь напишете?— поинтересовался Непомнящий.

— Ничего, справлюсь,— ответил сержант и вынул из сумки блокнот. На листок бумаги он положил левую руку, растопырив все пальцы. Наощупь выровнял мизинец с верхним обрезом блокнота, плотно прижал левую руку к бумаге, а правой прямым почерком начал писать в промежутках между пальцами. Написав три строчки, сержант поставил торчком указательный палец правой руки к указательному пальцу левой, отнял ее и положил ниже, приставив мизинец левой руки к указательному пальцу правой. Потом снова принялся писать, не отрывая карандаша от бумаги.

— Вот и написано,— сказал он бойцу.— Как вернемся в часть, я вас всех этому выучу.

— А я, товарищ Тимкин, когда была в штабе, видела специальные блокноты. На них можно быстро писать ночью без помощи левой руки,— сказала Валя.

— Знаю. У этих блокнотов подкладка из толстого картона. Справа и слева устроены специальные штифтики. Между ними поперек блокнота натягивается двойная резинка. Просунешь карандаш и пишешь как по маслу. Потом на второй штифтик резинку передвинешь — и новая строчка готова.

— Вот бы достать такой блокнот.

— Обойдемся. Писать-то не так много приходится. В штабе эти блокноты нужней. Донесения там пишут большие, подробные.

ДВА ВЫСТРЕЛА

В этот день Гущину пришлось встретиться с немцами и едва не попасть к ним в лапы. Разведчики благополучно миновали деревню Павловку и вышли на вырубку, густо поросшую молодыми зелеными березками. Вдруг у реки послышался сухой треск винтовочных выстрелов. Справа и слева застрочили автоматы.

— Что такое?— удивился Гущин.— На лес наступать немцы вздумали.

— Может быть, это партизаны кого-нибудь окружили? — высказал свое предположение Власов.

— Кого же они могли окружить? Нас, что ли? Стрельба-то, слушай-ка, кругом. Нет, друг, здесь что-то другое происходит. Стрельба-то приближается. Вот и пули стали долетать. Давай-ка прятаться.

— Может быть, лучше в лес податься?

— Нет, теперь поздно. Здесь можно. Березняк разросся густо, да и валежник кругом. В лощине, пожалуй, безопаснее всего... Лезь под эту кучу, а я метров на сто правей под такую же спрячусь.

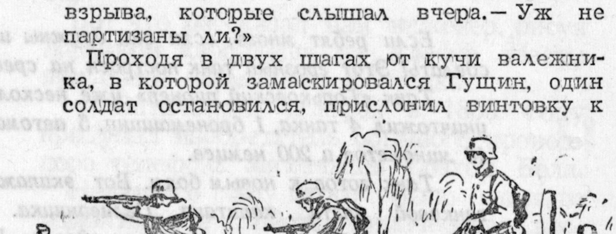
За нижние толстые ветви Гущин приподнял большую кучу валежника и замаскировал ею Власова. Сам устроился под другой кучей и, проделав небольшое отверстие, стал внимательно наблюдать.

На вырубку доносились звуки выстрелов. Пули с резким треском ударялись о ветви деревьев. Лиса, вильнув хвостом, нырнула в густые поросли кустарника. Иногда на поляну, смешно подпрыгивая, выскакивал перепуганный заяц. Он приседал и как встревоженная лошадь прядал ушами, а затем, высоко подбрасывая зад и мелькая в воздухе длинными задними ногами, куда-то вдруг исчезал.

Вскоре послышался шум приближающихся шагов. Немцы, на ходу стреляя из винтовок и автоматов, цепью шли по вырубке. Они прочесывали лес.

«Ну кто-нибудь насолил им здесь поблизости,— подумал Гущин и вспомнил про два взрыва, которые слышал вчера.— Уж не партизаны ли?»

Проходя в двух шагах от кучи валежника, в которой замаскировался Гущин, один солдат остановился, прислонил винтовку к



плечу и два раза стрельнул. Пули впились в землю рядом с разведчиком. Вторую кучу немец дулом винтовки прощупал на всю глубину.

Потом солдаты зашагали дальше. Стрельба постепенно затихла.

Гущин, облегченно вздохнув, вылез из укрытия и направился к тому месту, где спрятал Власова, но бойца под валежником не было. «Неужели немцы в плен захватили?— разволновался разведчик.— Не может этого быть. Ведь никакого шума я не слышал».

Вскоре Гущин увидел Власова. Боец шагал с той стороны, куда недавно скрылись немцы.

— Ты что это раньше времени выскочил,— заворчал Гущин.

— Надоело мне лежать без всякой пользы. Вон на том пеньке немец один сидел. Видимо, старший. Вынул из сумки какие-то бумажки и стал их рассматривать. А потом рассердился на одного солдата, бросил сумку и бумаги свои и начал его по щекам хлестать. Ветром все бумажки разогнало по поляне. Вот я и ходил, интересовался, не осталась ли какая-нибудь, после того как фриц их подобрал.

— Ну и что же?

— Одну нашел. Да не пойму. Написана-то она на их языке. Все-таки взял.

К ночи бойцы добрались до Тимкина.

Сержант внимательно выслушал доклад Гущина и спрятал немецкую бумажку в сумку. Потом он вскрыл пакет и прочитал приказ командира полка: «Наблюдение прекратить. Выслать итоговое донесение. На участке д. Липовка — стык дорог испортить мосты».

— Задачу поставили сложную,— сказал Тимкин бойцам.— Выполнить ее нужно сейчас же. На участке надо разрушить три моста.

В это время бойцы услышали стрельбу как раз в том месте, где находились наблюдатели первого поста. Взяв с собой одного бойца, сержант скрылся в ночной темноте.

...Раздался страшной силы взрыв. Громадный столб пламени на севере взметнулся над вершинами деревьев. Взрывная волна на несколько минут подняла сильный земляной дождь.

Что же могло произойти у стыка дорог?

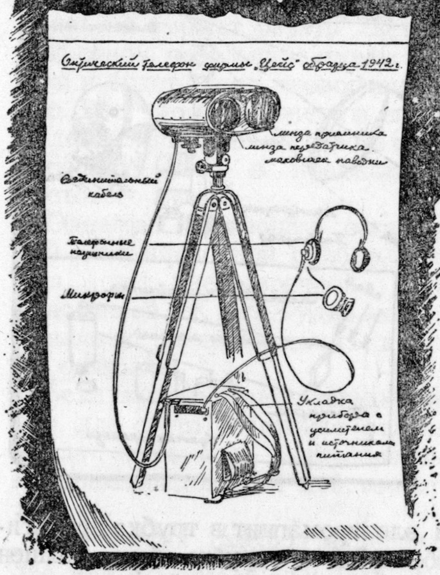
(Окончание следует)

Если ребят много, если они дружны и настойчивы,— чего они только не могут сделать! Этот грозный танк построен на средства, собранные горьковскими пионерами.

Танк «Горьковский пионер» уже несколько месяцев сражается с фашистами. Он уничтожил 4 танка, 1 бронемашину, 5 автомашин, 3 блиндажа, 6 пушек, 12 пулеметов, 10 минометов и 200 немцев.

Танк готов к новым боям. Вот экипаж получает боевое задание от командира танковой части капитана Селиванчика. Этот героический экипаж шлет вам, ребята, привет и просит писать по адресу: Действующая армия, ППС, 1516, Танковый батальон.

Счастливая звезда



В. Линский *Рис. Т. Чертовой*

Дело было на Южном фронте.

Озверелые фашисты, не считаясь с потерями, теснили нас в лоб и с флангов. К ночи кольцо сомкнулось.

— Окружены!—сказал политрук, расстилая за холмиком свернутую в скатку шинель.—Линии порваны... Связи нет... Ну, да не стать привыкать... А пока—отбой! Приказано отдыхать, набираться сил.

Надвигалась теплая темная южная ночь. Мы лежали бок о бок, политрук и я, под огромным и черным небом с мириадами сверкающих звезд.

— Где-то наша счастливая звезда?— пошутил я.

— Красиво,—сказал политрук.—Как понятно, что люди сложили о небе такие прекрасные сказки! Пифагор утверждал, например, что каждая звезда в своем беге издает особенный звук и что звуки эти сливаются в единую гармонию—«музыку сфер»...

Мы отыскали несколько всем известных созвездий и, когда наш астрономический багаж истощился и стало клонить ко сну, заметили большую звезду, мерцающую над горизонтом.

— Сириус,—решил я.

— Юпитер,—сказал политрук.

При этих словах кто-то рядом встрепенулся, и мы увидели фигуру человека, склонившегося над какими-то ящиками. Он поспешно устанавливал на пригорке странный прибор.

Тонкой треногой, большой головой, огромными выпуклыми стеклянными глазами прибор напоминал марсианина из книги Уэллса «Борьба миров».

Мы спросили человека, кто он и что он делает.

Из темноты раздался голос полковника:

— Это инженер штаба... Он здесь у меня со звездами беседует...

Наш полковник был шутник.

Надев на голову телефонные наушники и взяв микрофон, инженер крутил какие-то маховички. Голова прибора медленно поворачивалась до тех пор, пока пара огромных глаз не уставилась прямо на нашу звезду, сиявшую над горизонтом.

После этого в наушниках раздался голос. Инженер сказал несколько слов в микрофон и передал его полковнику. Мы удивленно вскрикнули. Полковник обернулся и, смеясь, передал наушники нам. Внятный человеческий голос звучал в наушниках:

«Говорит Юпитер, говорит Юпитер. Слышим вас хорошо. Повторяю, предлагаем перерыв на три минуты...»

— Что за чертовщина!—сдернул наушники политрук.

— Чертовщины здесь нет,—обиделся инженер.—Эта штука называется оптический телефон... А «Юпитер»—это пароль.

Полковник отобрал у нас наушники и уселся поудобнее—предстоял долгий и важный разговор.

Мы с инженером отошли в сторону. Нам не терпелось узнать, как устроен прибор.

Вот что рассказал нам инженер, рисуя огрызком карандаша на клочке газеты при свете карманного фонарика:

— Оптический телефон в 1880 году придумал изобретатель обычного проводного телефона англичанин Грехем Белл. Незадолго до этого было открыто удивительное свойство химического элемента селена: на свету селен лучше проводил электрический ток, чем в темноте. Я нарисовал здесь установку, на которой Белл изучал это свойство селена. Здесь

небольшая селеновая пластинка включена в цепь батареи. Пока селен находится в темноте, ток в этой цепи чрезвычайно слабый, потому что селен очень плохо проводит электричество, но стоит селен осветить—и мгновенно ток возрастает, сопротивление селена на ток уменьшается в несколько раз.

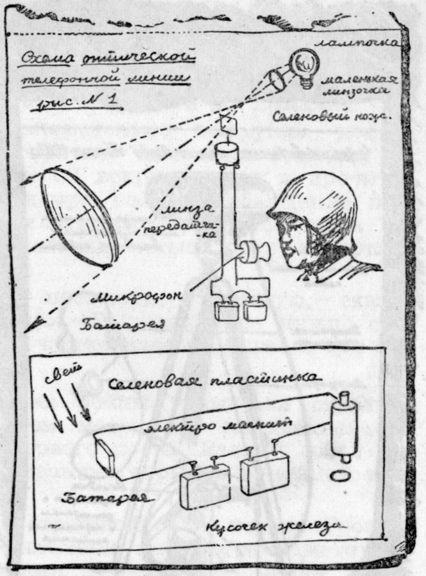
Чтобы сделать эти изменения тока видимыми, Белл подключил в одну цепь с селеном электромагнит, который при усилении тока притягивает маленький кусочек железа. До этого Белл много возился с микрофонами. Там сопротивление изменялось под действием звука. Здесь оно менялось под действием света. Тут было сходство. Белл твердо решил приспособить селен для целей связи.

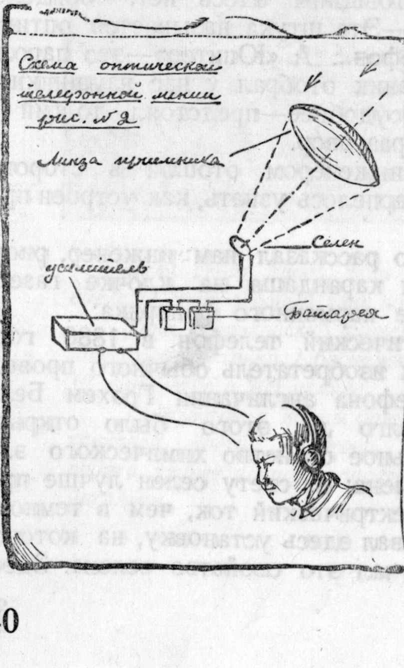
Он стал освещать селен издали и для этого сделал маленький прожектор с лампочкой и линзой, собирающей лучи в узкий пучок. Белл отходил от селена подальше, насколько позволял луч прожектора, и открывал и закрывал линзу. А стоявшие у селена наблюдали, как прилипает и отлипает от электромагнита маленький кусочек железа.

Так можно было бы устроить беспроволочный телеграф. Провода заменял тонкий луч света, тянувшийся от прожектора к селену.

Но Белл был телефонистом. Он решил заставить световой луч передавать на расстояние человеческий голос.

Вместо электромагнита Белл подключил к селену телефонную трубку. При освещении электромагнит в трубке притягивал мембрану и в трубке был слышен щелчок. Быстро переменный свет заставлял мембрану дрожать и слышался в трубке, как звук. Позже Белл пристроил к селену линзу. Лучи, падавшие на большую поверхность линзы, собирались на маленькой поверхности селена. Это увеличивало освещенность селена.





Приемник был готов. Он был похож на человеческий глаз. Так же, как хрусталик собирает лучи на сетчатке, так же и линза собирала их на селене. Но, по сути дела, этот «электрический глаз» был скорее ухом. Он позволял «слышать» быстро изменяющийся свет.

Оставалось придумать передатчик. Надо было создать такой прожектор, который «разговаривал» бы светом. Надо было построить установку, быстро изменяющую силу света прожектора в такт звуковым колебаниям при разговоре.

Я не помню сейчас, как в точности поступил Белл, но сделать это можно разными способами. Можно соединить микрофон с электромагнитным механизмом, похожим на механизм громкоговорителя. Только заставить механизм колебать не диффузор, а «оптический нож».

«Оптический нож»—это заслонка, которая как бы режет световой пучок прожектора поперек. Заслонку невыгодно помещать перед самой линзой. Здесь бы пришлось колебать ее с таким большим размахом, что раскачать ее был бы не в силах даже самый мощный электромагнитный механизм. Поступают хитрее: с

помощью маленькой линзочки сводят предварительно лучи в узкую шейку. Рядом с шейкой и ставят «оптический нож». Здесь он сможет резать световой пучок при самом небольшом размахе колебаний. Вот и будет готов «говорящий» прожектор. Все, что вы скажете в его микрофон, будет слышно в телефонах приемника, расположенного в пределах досягания светового луча.

Однажды произошел загадочный случай. Регулируя свой прибор, Белл загородил свет непрозрачной гутаперчевой пластинкой. К его удивлению, звуки в приемнике не прекратились, а только слегка ослабели.

Белл скоро разгадал загадку: непрозрачная для света пластинка отлично пропускала невидимые инфракрасные лучи, которые продолжали действовать на селен.

Оптический телефон на невидимых лучах для военных целей был делом очень заманчивым. Белл сделал мощный прожектор и телефонировал с его помощью на расстояния до 213 метров.

Но дальше дело не шло: слишком мала была освещенность на селене, а увеличить ее было нельзя—прожектор и так был громоздок.

Опыты Белла так и оставались удивительными опытами до тех пор, пока не получили всеобщего распространения радиолампы. Радиолампы позволили усиливать слабые токи в селене в десятки тысяч раз. Дальность действия оптического телефона сразу возросла. Наш телефон работает на несколько километров.

Вы видите, у него два «глаза». Один из них — линза прожектора с лампочкой чуть побольше лампочки карманного фонаря. Другой—линза приемника...

Инженер замолчал.

Полковник прекратил разговор и подошел к командирам.

— Полный порядок, товарищи! Связь с основными частями Красной Армии установлена... Сейчас говорил генерал.

Командиры радостно обступили удивительный аппарат.

— Здорово!—раздавались голоса.—Так это и впрямь счастливая звезда!

Инженер едва успевал отвечать на вопросы:

— Вы говорите: радио лучше? Не везде и не всегда. Часто сотни радиостанций, теснящихся на узком участке фронта, мешают друг другу. Радиопередачу легко перехватить, а местонахождение радиостанции обнаружить. Этим пользуется разведка. Оптический телефон дает узкий луч, направленный прямо на нас. Отойдите шагов на двадцать в сторону, и вы ничего не увидите, даже звезды... Свет прожектора, мерцающий на горизонте, как светлая точка, меркнет на рассвете, как меркнут звезды в сиянии наступающего дня... А слышимость остается... Кроме того невидимые лучи... Стоит только поставить специальное темное стекло перед лампой... Перехватить разговор невозможно. Пришлось бы поставить такой же приемник рядом с нашим или точно позади него. А сзади, как видите, роща... Конечно, и у оптического телефона есть свои серьезные недостатки: необходима прямая видимость между станциями, в туман и в дождь работа невозможна.

— Так, значит, свет передатчика там, на горизонте, у наших друзей, мы и приняли за большую звезду?—спросил я.

Ну, конечно,— ответил инженер.

В черном небе попрежнему мерцали яркие звезды.

Странная мысль взбрела мне в голову.

— Наведите,— взмолился я,— наведите прибор вот на ту звезду, что так ярко мерцает у нас над головой.

Инженер усмехнулся и взялся за свои маховички.

Прибор медленно повернулся глазами вверх.

Я жадно схватил наушники. Странные звуки слышались в них, будто струилась, плескалась и булькала где-то вода.

— Вот вам и музыка сфер! — воскликнул я.

— Далеко хватил,—засмеялся инженер,—надо искать причины поблизже. Высоко над землей проносится теплый воздушный поток и туманит луч звезды. Звезды мерцают, и мерцанье в приемнике переходит в звук. Вот мы и слышим журчанье воздушной струи...

Полковник снова подошел к аппарату. Мы улеглись спать, плотно завернувшись в шинели.

Аппарат, похожий на марсианина, выпуклыми стеклянными глазами пристально смотрел вдаль. Тонкий луч света, протянувшийся к нам над рекой и холмами, нес суровый, спокойный приказ генерала о поддержке, о помощи, о грядущем разгроме врага. Сияла и разгоралась наша большая счастливая звезда.

Развитие силы

М. Черевков

Рис. Л. и Н. Кравченко

...Приглядись, какие большие тяжести перетаскивают муравьи, копошась около своего муравейника. Крепко вцепившись челюстями в былинку и быстро перебирая своими тоненькими ножками, муравей волочит ее по земле. Сравни размеры муравья с величиной былинки, которую он тащит. Окажется, что былинка совсем не так мала. Она раз в десять больше муравья. Если бы муравей был таких же размеров, как взрослый мужчина, то маленькое насекомое оказалось бы непревзойденным чемпионом силы.

А если бы человек, даже самый сильный, попробовал тащить бревно в десять раз длиннее его роста? Он, конечно, не смог бы сдвинуть его с места. В самом деле, средний рост человека — 165 сантиметров,— значит, бревно было бы около 16 метров в длину, длиннее, чем два телеграфных столба, и имело бы около 1 метра в диаметре. Представляешь, какова должна быть тяжесть такой «былинки»!

И все же, хотя человек «слабее муравья», бывают очень сильные люди. Наша страна славится своими гиревиками. Три четверти всех мировых рекордов по подниманию штанги (штанга — это стальная жердь с укрепленными на ее концах чугунными блинами) принадлежат советским спортсменам. Раньше многие мировые рекорды по подниманию тяжестей удерживались немцами. Но, когда советская власть сделала спорт достоянием всех народов, населяющих СССР, за гиревую тренировку взялась наша молодежь — и все немецкие рекорды были биты. Наш народ отличается природной физической силой, среди русских немало людей, обладающих феноменальными способностями к подниманию тяжестей.

Много рассказов, скорее похожих на легенды, передавалось в старину о силачах — волжских грузчиках. Среди них находились богатыри, свободно носившие на спине груз весом в 20—25 пудов. Если бы такой человек занялся систематической тренировкой по подниманию штанги, то он показал бы выдающиеся результаты. А таких людей немало в нашей стране, и многие из них увлеклись гиревым спортом и стали мировыми чемпионами.

Много лет среди гиревиков всего мира славился феноменальный штангист египтянин Туни. Говорили, что он в выжимании штанги дошел до пределов человеческих возможностей и его рекорды никогда не будут побиты. Но вот молодой советский гиревик Григорий Новак, показавший на первых же соревнованиях перворазрядные результаты по подниманию тяжестей, начал упорно тренироваться в выжимании штанги. Прошло три года. Все мировые рекорды по выжиманию штанги для гиревиков среднего и полутяжелого веса оказались за молодым советским спортсменом. Лучшее достижение Григория Новака в выжимании штанги двумя руками равно 128,2 килограмма!

Николай Шатов, Израиль Механик и многие другие заслуженные мастера гиревого спорта, имеющие по нескольку мировых рекордов, выросшие при советской власти, защищают сейчас на фронтах свою родину от немецких захватчиков. В боевой обстановке их нередко выручают сила и упорство, приобретенные благодаря систематической тренировке.

Николай Шатов с тремя товарищами был окружен фашистами. Наших бойцов немцы обстреливали

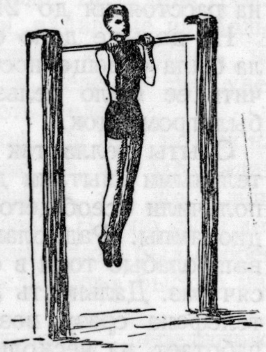


Рис. 1.

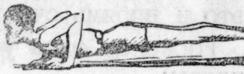


Рис. 2.

из автоматов и минометов, кричали: «Рус, сдавайся!»

Но гиревик Шатов не сдался: ловко укрываясь от огня фашистов, он вместе с товарищами подобрался ползком туда, где врагов было меньше, и штыком проложил себе дорогу к своим. Вместе с ним прорвались и его друзья.

В этом бою Шатов был тяжело ранен. Человека послабее такое ранение свалило бы с ног. Но силач Шатов не упал. Он сам пришел на батальонный санпункт. Когда врач осмотрел его ранение, то удивленно спросил:

— Как же вы смогли идти?

— Я спортсмен-гиревик,— ответил Шатов, думая, что этого объяснения достаточно.

А вот другой фронтовой эпизод. Борец Плотников, с самого начала войны сражавшийся в Действующей армии, пошел в разведку за «языком» вместе с тремя красноармейцами. Они пробрались в тыл врага и, услышав треск мотоцикла, залегли у лесной дороги. Скоро из-за поворота показался фашистский автоматчик-мотоциклист. Он ехал медленно, озираясь по сторонам... Плотников выскочил из-за дерева и обхватил фашиста, намереваясь стащить его с мотоцикла. Но ноги немца были ремнями пристегнуты к подставкам-педалям. Когда борец рванул фашиста на себя, мотоцикл упал и заглох. В это время за поворотом дороги послышался треск моторов. Захваченный мотоциклист был дозорным. За ним мчалась целая колонна фашистских головорезов. Борец сжал немца покрепче, чтобы тот не смог крикнуть, понатужился и, приподняв его вместе с мотоциклом (а мотоцикл вместе с фашистом и его оружием весил около 200 килограммов), уволок в лес. Там немцу заткнули рот, а когда колонна мотоциклистов проехала, доставили его командованию. Чтобы вырасти таким сильным и здоровым человеком, надо с детских лет регулярно заниматься физкультурой и спортом.

Многие ребята пытаются подражать взрослым и хотят развивать свою силу теми же способами, которыми пользуются мужчины. Это путь неверный и опасный. До восемнадцати лет нельзя заниматься подниманием гирь. Тренировка в поднимании тяжестей в детском возрасте приводит к заболеваниям сердца, ускоряет окостенение скелета и, следовательно, задерживает рост.

Можно и не занимаясь гирями стать сильным.

Как же развивать силу в детском возрасте?

Чем крепче нервная система, тем она лучше управляет мышечным напряжением, а следовательно, тем сильнее становятся мышцы. Поэтому прежде всего, если хочешь стать сильным, заботься о том, чтобы твоя нервная система была здорова и крепка. Для этого нужно соблюдать определенный, четкий режим: вовремя ложиться спать (не позже 10 часов), рано вставать утром (не позже 7 часов), каждый день делать зарядку и обтирать тело холодной водой, есть в одни и те же часы, больше бывать на свежем воздухе и заниматься спортом, гимнастикой и физическим трудом.

Кроме того занимайся специальными упражнениями, развивающими силу. Каждый день подтягивайся на руках из висячего положения, пользуясь перекладиной или веткой дерева (рис. 1). Если у тебя не хватает силы, чтобы подтянуться на руках из висячего положения, то сделай это на более низкой перекладине с прыжка. Потренируйся в другом полезном упражнении: сгибай и выпрямляй руки, упираясь ладонями в землю (рис. 2). Хорошо развивает силу рук и туловища задание, называемое переворотом в упор. Выполняй его на высокой перекладине. Повиснув на руках, подтянись, затем, разгибая руки, согнись в пояснице и подними ноги к перекладине. Не задерживаясь в этом положении, снова согни руки и скользи ногами вверх по перекладине, пока не коснешься ее животом. Потом медленно прогни спину: ноги перевесят туловище, и ты поднимешься в упор на перекладину. Хорошенько выпрями руки, разверни плечи, подай грудь вперед.

Потом проделай следующее: ляг на землю или поперек скамьи и поднимайся в сидячее положение (рис. 3). Это упражнение отлично развивает мышцы брюшного пресса. Чтобы укрепить мышцы спины, полезно упражняться в «ласточке». Лежа на груди, вниз лицом, положи голову на согнутые руки. Потом медленно прогни спину и разведи руки в сторону так, чтобы голова и грудь были совершенно выпрямлены, а ноги приподнялись над землей. Еще лучше развивает мышцы спины и шеи всем известное упражнение «мост». Лежа на спине, согни ноги и поставь ступни поближе к телу. Медленно прогибая спину, сделай мост так, чтобы в землю упирались лишь ступни и голова, а все тело было выгнуто наподобие арки моста. Так же медленно ляг спиной на землю. Выполняя это упражнение, подкладывай под голову маленькую подушку или коврик.

Очень полезны для развития силы упражнения в перетягивании, перталкивании и в простейших приемах борьбы (рис. 4, 5, 6).

Каждое из этих заданий разовьет твою силу, крепость мускулов, сделает тебя ловким и выносливым.

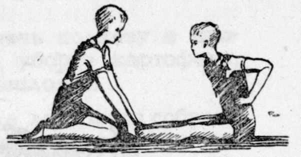


Рис. 3.

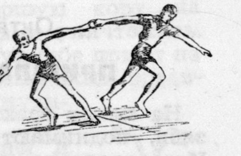


Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Записная книжка

Октябрь

ПРИШЛА ОСЕНЬ

На полях тракторы пашут под зябь, поднимают черные пары. Идет прополка озимых. Дергают коноплю. Копают картофель. Убирают свеклу, морковь, капусту.

Последние недели ходить в лес за грибами. Шуршат под ногами палые листья. Листопад.

Не слышно на пруду кваканья лягушек. Они попрятались на зиму, зарылись в ил.

Звери надевают зимний наряд.

В небе журавлиный клин, а то цепочка мчащихся на юг уток. Ночью выйдешь на крыльцо — услышишь свист рассекающих воздух крыльев: перекликаясь в темноте, проносится пролетная стая.

Появились гости с севера, вестники зимы, — снегири. Народная примета: если снегири прилетели рано, и зима настанет рано.

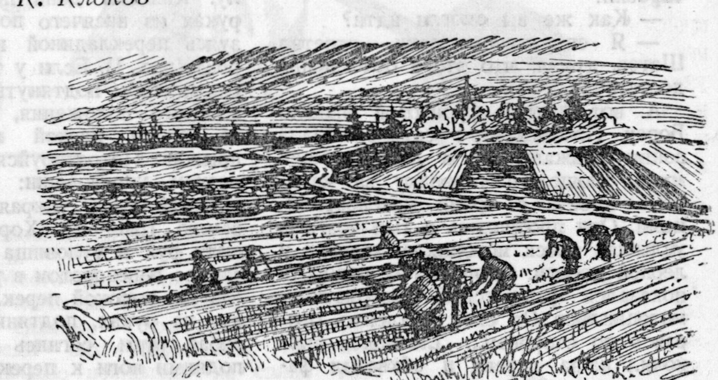
Что собирать

Дубы начинают ронять на землю бурые, зрелые жолуди. Высушенные, смолотые жолуди прибавляют в кофе. Хорошо откармливать жолудями свиней.

До самых заморозков можно выкапывать корни лекарственных растений: валерианы, аира, алтея, солодка, мужского папоротника, одуванчика.

Озимые хлеба

К. Клоков



ЧТО ТАКОЕ ЯРОВЫЕ И ОЗИМЫЕ РАСТЕНИЯ

Весной мы сеяли на полях пшеницу, овес, ячмень. За лето они выросли и к осени созрели. Живут эти растения только одно лето с его ярким солнышком, и называют их **яровыми**.

Осенью, одновременно с уборкой, опять идет сев. Посеянные семена через несколько дней всходят, растения быстро развиваются, кустятся, а с наступлением холодов их жизнь останавливается. Под белым пушистым одеялом снега они спокойно переживут холодную зиму. Весной, как только сбежит с полей снег, растения начнут быстро расти и к концу лета созреют. Такие растения, которые переносят зиму, не гибнут от морозов, называют **озимыми**.

ПОЧЕМУ МЫ РАСШИРЯЕМ СЕЙЧАС ПОСЕВЫ ОЗИМЫХ

Все растения: и яровые, и озимые, и те, что живут одно лето, и те, что живут много лет, — все они добывают себе пищу корнями из земли и листьями из воздуха. Озимые хлеба начинают расти осенью в год посева и созревают осенью следующего года. Стало быть, они живут дольше, чем яровые, дольше добывают себе пищу из земли и из воздуха, а поэтому дают более высокие урожаи. Например в колхозах Алтайского края за 8 лет средний урожай озимых хлебов был 10,7 центнера с гектара, а яровых — 8,7 центнера.

Озимые созревают на несколько дней раньше, чем яровые. Это сильно облегчает колхозам осенние работы по уборке урожая. Один и тот же комбайн скосит и обмолотит за осень хлеба больше, если он сначала будет работать на уборке озимых, а покончив с ними, перейдет на поля яро-

вых, которые тоже созреют к тому времени. В Сибири озимые хлеба иногда созревают дней на 10 или даже на 15 раньше, чем яровые. А при уборке дорог не только каждый день, но и каждый час. Если в колхозе есть и озимые и яровые посевы, то ему для уборки всех полей надо меньше тракторов и комбайнов, чем если бы у него были одни яровые посевы.

То же самое и весною. Если в колхозе есть озимые посевы, то ему легче работать на весеннем севе: часть полей уже засеяна с осени, и уже зеленеют всходы. Меньшую площадь яровых он посеет быстрее, а чем раньше кончит, тем больше будет урожай яровых.

Но и это — еще не все. Если осенью хорошо удобрить и прополоть всходы озимых, то они хорошо будут расти, хорошо раскустятся. На хорошо прополотых и удобренных участках каждое растение озимых дает до 7—8, а иногда и до 10—12 стеблей. С самой ранней весны такие посевы плотным зеленым ковром покрывают все поле, не дают расти сорным травам, глушат их — поле очищается от сорняков. И яровые хлеба, посеянные на следующий год на таком чистом от сорняков поле, дают большой урожай.

Вот как много достоинств у озимых хлебов, и самое главное из них — то, что они дают более высокие урожаи, чем яровые хлеба. Вот почему колхозники в прошлом году посеяли озимых больше, чем в 1940, довоенном году, а в нынешнем году сеют их еще больше, чем в 1941 году. Хлеб — это богатство страны, ее сила.

ВЫХОДИТЕ НА ПРОПОЛКУ

Как только появятся всходы и до самой зимы нужно заботливо ухаживать за посевами, тогда урожай будет отличный.

Если озимые оставить без ухода, их забьют сорняки, они будут слабые. Многие растения не перенесут холодной зимы: их убьют морозы.

Ребята! Вы все лето работали на колхозных полях, но ваша помощь нужна и сейчас, осенью. В свободное от учебы время выходите на прополку озимых. Все озимые нужно обязательно прополоть один раз, а сильно засоренные участки — два раза.

ОСОТ И ВЬЮНОК

Большая угроза урожаю будущего года — многолетние сорняки. Самые опасные из них — это осот и вьюнок. Осот выполоть один раз мало: от корней сейчас же пойдут новые листья осота. Все участки, где растет осот, надо осенью прополоть несколько раз. Берите осот рукой как можно ниже, лучше прямо в земле за корень. Но всего корня вы не вырвете, потому что он очень длинный — 5 или даже 7 метров. После каждой прополки он дает новые листья, которые берут пищу из запасов корня. Вырывая всходы осота, мы постепенно истощаем эти запасы. Новые побеги становятся все слабее и постепенно вымирают. Такой же злостный сорняк — и вьюнок.

Есть и озимые сорняки: синий василек, пастушья сумка, метла и другие. Если их не уничтожать осенью, они оживут ранней весной и сильно засорят посевы.

Что сделать

В поле. Помочь колхозу в прополке озимых, уборке картофеля, капусты, корнеплодов.

В саду. После листопада собрать всю листву и мусор и сжечь. Если на оголенных деревьях видны скрюченные листья, повитые серебристой паутинкой, — собрать и сжечь. В таких листьях-гнездах может зимовать 200—300 гусениц златоузки. Дай им перезимовать, — весной они нападут на почки, будут поедать листья и молодые побеги. Если златоузок много, они могут съесть дочиста все листья на дереве. В засохших листьях зимуют и гусеницы бабочки-боярышницы.

Очистить отмершую кору на стволах и сучьях и уничтожить. В такой коре ищут себе приют на зиму одни из самых злых вредителей яблони — жуки-долгоносики.

Побелить штанги и сучья известковым молоком. Обрезать засохшие сучья. Заделать дупла, зачистить и обмазать садовой замазкой все раны.

После первых заморозков перекопать приствольные круги, внести в землю удобрения.

На ягодниках. Уничтожить сорняки. Собрать и сжечь сухую листву. Перекопать землю, удобрить делянки.

На малине: выкопать для посадки отпрыски, вырезать старые побеги, пригнуть кусты на зиму.

На огороде. Уборка посеянных в августе салата, шпината, укропа, редиса.

Уборка остальных овощей в таком порядке: свекла, морковь, репа, брюква, редька, капуста.

Убрав урожай, начать подготовку к подозимому посеву. Вскопать землю на глубину 8—10 сантиметров. Через недели две снова перекопать уже поглубже (18—20 сантиметров), разборонавать граблями. Сеять на грядки. Высота грядок — 10 сантиметров.

Сроки посева для средней полосы —

конец октября, начало ноября, когда земля загрубеет коркой. Если посеять раньше, — семена взойдут и мороз убьет всходы. Семена (обязательно сухие) высеивать в бороздки глубиною в 1 сантиметр и заделывать перегноем слоем в 1—2 сантиметра.

Под зиму можно сеять: укроп, петрушку, лук, чеснок, салат, шпинат. Туговсхожие, эти семена хорошо набухнут за осень и весной быстро тронутся в рост.

Так можно получить без парников ранней весной свежие овощи.

КАК ЗАГОТОВИТЬ ОВОЩИ ВПРОК

Квашение капусты

Для квашения брать только здоровые, плотные, чистые, незагнившие кочаны. У кочанов обрубить все наружные зеленые листья и кочерыжку. Вымыть кочан. Капусту можно рубить сечками в корытах или шинковать.

Кадку для капусты приготовить заранее. Налить ее водой, раскалить докрасна камень, опустить его в кадку (хорошо кинуть туда горсть можжевелевых ягод и несколько стебельков мяты), накрыть кадку. Через час камень вынуть, воду вылить и просушить кадку. Если она закисла и пахнет, выпарить еще раз.

На дно кадки положить свежие, чисто промытые капустные листья, а потом укладывать рубленую или шинкованную капусту. Капусту пересыпать солью и сильно уминать деревянной скалкой. Чем плотнее будет уложена капуста, тем больше в ней сохранится витамина С.

Многие сыплют в капусту тмин. Другие — кто как любит — кладут в капусту кусочки моркови, яблока, а то перец, гвоздику, семена укропа, луковицы.

Кадку надо накладывать выше краев — горкой, — потому что капуста сильно садится. Закрыть листьями, чистым полотенцем или марлей (материю обязательно прокипятить) и наложить кружок с камнем — гнет. Нужно следить, чтобы поверхность капусты все время была на 10—20 сантиметров покрыта рассолом. Когда капуста перестанет садиться, вынести кадку в подвал или на погребицу.

Возьмитесь по-боевому за прополку. Все озимые 1942 года должны уйти под снег чистыми, без сорняков.

МОЛОДЫМ ВСХОДАМ НУЖНА ПИЩА

Растения хорошо перенесут зиму, если они будут крепкие, а для этого с первых дней роста им нужно много пищи. Если в почву под посев озимых внесли мало удобрений, осенью обязательно надо подкормить всходы. Лучшее время для подкормки — перед началом кущения. У всех хлебов главными составными частями пищи являются азот, фосфор и калий. Азот помогает быстро расти, а фосфор и калий служат пищей и повышают зимостойкость.

Внимательно посмотрите: там, где всходы слабые, надо подкормить азотистыми, фосфорными и калийными удобрениями. А хорошо растущие всходы с осени азотистыми удобрениями не подкармливайте. Сколько и какие минеральные удобрения надо вносить, вам скажет агроном.

Если минеральных удобрений в колхозе нет, надо использовать местные удобрения. Печная зола — очень хорошее фосфорно-калийное удобрение, навозная жижа содержит много азота и калия, птичий помет — азотистое удобрение.

Сбор золы — это ваше дело, ребята. Золу нужно очистить от камней и сора, просеять через сито. Провести подкормку очень просто: акуратно разбросайте золу или сухой мелкий птичий помет по всходам.

В колхозе «Кзыл Куч», Татарской АССР, на участках озимой ржи, подкормленной местными удобрениями, собрали 19—22 центнера с гектара, а с соседних участков, которые остались без подкормки, получили только 11—14 центнеров.

УНИЧТОЖАЙТЕ СЛИЗНЯ

Опасные вредители посевов — слизни. На озимых посевах они выедают мякоть листьев, оставляя только одни жилки. Днем слизняки прячутся под комочками почвы, под листьями; они боятся солнца. Вечером, с заходом солнца, они выходят из укрытий и начинают свою губительную работу. Объедают листья весь вечер и всю ночь до самого восхода солнца. Слизней надо уничтожать. Посыпьте пораженные участки табачной пылью, смешанной со свежегашеной известью, суперфосфатом или смесью с хлорной известью. Слизней можно собирать руками, легче всего их собирать поздно вечером, только нужен фонарик.

ОХРАНЯЙТЕ ПОСЕВЫ

В некоторых колхозах осенью пасут скот на полях озимых. Для посевов это очень вредно. Скот объедает листья и этим отнимает силу у растений, вытаптывает ногами молодые растения, ломает их стебли, уплотняет почву. Все это очень снижает урожай. Особенно большой вред посевам приносят овцы: они объедают не только листья, а и низко обгрызают стебли.

Пионеры! Строго следите за тем, чтобы никто не пас скот на озимых посевах.

Заботливым уходом за молодыми растениями озимых хлебов: прополкой, подкормкой, борьбой с вредителями и охраной полей от потрав — вы поможете увеличить урожай 1943 года на сотни миллионов пудов.

Уничтожайте черепашку в местах ее зимовки

Л. Никифоров

Начались первые заморозки. С опустевшего поля черепашка перелетела в ближайший лес и спряталась на зимовку под опавшие листья. В первые теплые, весенние дни она вернется на поля и начнет поедать озимые хлеба, а позже и яровые.

Не дать зазимовать черепашке, уничтожить ее осенью — боевая задача пионеров. Уничтожив ее сейчас, вы сохраните стране десятки и даже сотни тысяч пудов хлеба.

Каждый из вас мечтает быть разведчиком на фронте. Но, если вы станете хорошими разведчиками и у себя в колхозе, это будет не менее полезно и почетно.

Разведайте, где враги сельского хозяйства расположились на зимовку, определите площадь и плотность заражения.

У разведчика должна быть подробная карта местности; начертите ее, возьмите карандаш и отправляйтесь в разведку. На площадке в четверть квадратного метра соберите всю листву или иглы, тщательно просмотрите и подсчитайте, сколько здесь черепашек. Чтобы определить зараженность квадратного метра, полученное число помножьте на четыре. Результаты разведки занесите на карту.

Через 100—150 квадратных метров — лучше всего в шахматном порядке — снова проверьте зараженность. Все сведения акуратно заносите на карту. К концу разведки на карте будет ясно видно, где больше всего осталось черепашки.

И тогда принимайтесь за ее уничтожение. Лучшими помощниками вам будут куры. Одна курица за день съедает несколько сотен черепашек.

Пионеры из колхоза имени 8 марта, Молотовской области, построили для кур домик из фанеры и так перевозили их с места на место. Постройте и вы у себя такой же домик. Размеры его примерно должны быть такие: 2,5 метра ширина, 4,5 метра длина и 2 метра высота. Такой домик удобно поставить на подводу и перевозить.

Куры будут лучше выбирать черепашку, если вы будете ходить с ними вместе и палкой ворошить листву. Приготовьте им для питья чистую воду, расставьте ее в разных местах,— тогда они не будут держаться кучкой, а разбредутся по всему зараженному участку.

Черепашка быстро гибнет от мороза в 6—7 градусов. Когда начнутся постоянные заморозки, ее легко уничтожить перелопачиванием листвы, под которую она спряталась. Листья можно ворошить и когда выпадет снег, только не оставляйте открытыми корни деревьев.

Где черепашки особенно много, соберите ее вместе с листвой в небольшие кучи, засыпьте землей и хорошенько утрамбуйте. Черепашка без воздуха быстро погибнет. После сильного дождя проверьте, не размыло ли где землю.

Если поблизости от вас есть биолаборатория, собирайте черепашку руками как можно больше. В лаборатории с помощью черепашки разведут полезного паразита—теленомуса.

СУШКА ОВОЩЕЙ

Как приспособить печь

Чем лучше тяга, тем быстрее сушка. Надо сделать в заслонке русской печи две горизонтальные щели, длиной в 8—10 сантиметров и шириной в 2 сантиметра. Нижняя щель вырезается у пода печи, верхняя — на расстоянии 5—6 сантиметров от свода печи.

В печи разгребают жар, задвигают задвижку и минут на 20 закрывают печь. Потом выгребают угли и на подставках из кирпичей ставят в один ярус сита (их лучше всего сделать из ивовых прутьев) с овощами.

Можно сушить овощи в духовом шкафу плиты или на лежанках, разложив овощи на плотной чистой бумаге или холсте.

Картофель. Здоровые, неподгнившие, неподмороженные клубни чисто вымыть, очистить и нарезать столбиками (лапшой) до 7 миллиметров толщиной. Чтобы не потемнели, держать (но не больше получаса) в тазу с водой.

Промыть еще раз холодной водой, выложить картофель на решето (насыпать на половину решета) и опустить на 2—3 минуты в чан с кипящей водой. Если ломтики картофеля упруги, не ломаются при сгибании, в пальцах не раздавливаются, а через их мякоть довольно свободно проходит заостренная спичка, проварка считается законченной.

Решето с картофелем опускают в холодную воду, чтобы смыть клейстер.

Сушка обычно продолжается 4—5 часов. Правильно высушенный картофель должен быть прозрачным и твердым, ломаться при сгибании.

Морковь. Морковь приготовляют к сушке, как и картофель, только проваривание продолжается немного дольше — 4—5 минут. Морковь сушат в течение 4—6 часов при температуре в 75—80°.

Свекла. Чтобы сохранить цвет свеклы, ее проваривают в целом виде, не очищая кожицы. Мелкие корнеплоды проваривают отдельно, крупные — отдельно. Проварка продолжается 30—40 минут, в зависимости от размера свеклы. Когда тонкая острая лучинка свободно проходит через мякоть, значит, свекла готова.

Для сушки свеклы нужна температура в 75—80°.

«Минное поле»

Ребята, хотите поиграть в новую игру? Только вам придется сделать ее самим. Это очень легко. Возьмите лист бумаги. Нарисуйте на одной стороне речку, куст, домики, елку, колодец, мельницу. Если не умеете нарисовать, начертите в разных местах квадратики и напишите «дом», «елка» и так далее.

Затем мы эту местность минируем. На обороте листа нарисуйте в разных местах пятнадцать маленьких кружочков. Это и будут мины.

Теперь можно играть. Кто начинает, пусть посмотрит лист на свет и запомнит, где мины, пока другой игрок считает до десяти. Потом лист кладется на стол, и игрок получает от товарища задание. Пройти, скажем, от колодца к дереву или от дома к реке. Игрок проводит карандашом дорожку между указанными пунктами, он старается вспомнить, где мины, чтобы обойти их; но заглядывать под лист не имеет права.

Выполнил задание, посмотри на свет: наскочил ты на мину или прошел благополучно? Если дорожка задела мину,— значит, наскочил. Получай штрафное очко. Играет следующий.

Каждый игрок выполняет 4 задания. Выиграл тот, кто получил меньше всех штрафных очков.

Поиграйте в игру «Минное поле» и напишите нам, интересная ли это игра и как вы в нее играли.

СОДЕРЖАНИЕ

Четверть века. — *Лев Кассиль* . . . . 1 стр.

Сын корабля. — *Рассказ Юрия Германа. Рис. В. Цельмера* . . . . 5 „

О русском языке. — *Профессор Л. Тимофеев* . . . 12 „

„НИ“ и „НЕ“. — *Стихи С. Маршака* . . . . . . 15 „

Таня Слесарева. — *(Продолжение). — Повесть М. Прилежаевой. Рис. А. Брея* . . . . . . 16 „

Выставка умелых рук. — *Р. Мирер* . . . . . . 24 „

Мой лицевой счет . . . . 26 стр

Республика во дворе. — *Ю. Сотник* . . . . . 28 „

О чем рассказали следы. — *(Продолжение). Подполковник Н. Баканов. Рис. О. Верейского* . 34 „

Счастливая звезда. — *В. Линский. Рис. Т. Чертовой* . . . . 39 „

Развитие силы.—*М. Черевков. Рис. Л. и Н. Кравченко* . . . . 42 „

Сельскохозяйственная школа „Пионера“ . . . 44 „

„Минное поле“ . . . . 48 „

На обложке: картина художника Л. Голованова „Саша Чекалин“.

19+3
Акт № 10/3
Вкладн. л.

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. А., Сысоева А. А.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 804, телефон Д-3-30-73

Подписано к печати 23/X 1942 г. Изд. № 815

А 61683 82 × 110 1/16 бум. листа 76 999 печ. зн. в печ. листе 3 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. 2551. Тираж 50 000 экз.

«ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ»

«Во все времена, на протяжении всей истории боролись две противоположные силы: светлая, толкающая человечество по пути к всеобщему счастью, и темная, уводящая назад, к звериному быту. Это они, представители темной силы, жгли лучших людей на кострах инквизиции, гноили в тюрьмах, расстреливали и вешали великих революционеров, великих ученых и писателей. В наше время все темные силы целиком воплотились в фашизме. Бороться против них вместе с лучшими людьми моего народа и всего человечества — какая гордость! Какое счастье!»

Так написала в своем дневнике Зоя Космодемьянская в тот день, когда ее приняли в партизанский отряд, в последний день своей жизни дома. Еще пионеркой она много читала и размышляла. Она восхищалась героями, сражавшимися за свой народ, лучшими людьми человечества, борцами за его счастье, и мечтала быть похожей на них. Позже, когда пришло суровое, грозное время, у нее хватило силы на великий подвиг. И имя ее теперь стало в один ряд с именами славнейших героев.

Мы все любим нашу «партизанку Таню» и хотим поближе узнать ее. Нам интересно все: ее мысли, слова, сказанные ею, книги, которые она читала, люди, с которыми дружила. Мы хотим узнать, как она росла, как складывался ее характер. Мама Зои, ее учителя, школьные товарищи и колхозники села Петрищева, где она погибла, рассказали о ней. А писательница Н. Заречная написала по их воспоминаниям книжку «Горячее сердце», простой, правдивый рассказ о Герое Советского Союза школьнице Зое Космодемьянской.

СТИХИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

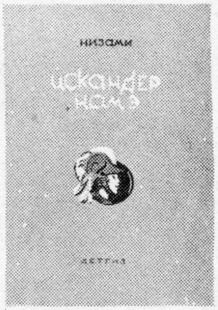
Войну 1812 года недаром назвали Отечественной. Как и в наше время, весь народ поднялся тогда на защиту родины. Об этой войне сложено много песен, поэты писали и продолжают писать о ней.

Знаменитое свое стихотворение «Певец во стане русских воинов» Жуковский написал в Тарутинском лагере, находясь при штабе Кутузова. С тех пор прошло 130 лет, но торжественные и стремительные строки, воздающие славу защитникам русской земли, мы читаем с такой же гордостью и волнением, с каким читали их современники, потому что они вызваны тем же чувством, каким живем и мы, — пламенной любовью к отечеству.

В книжке «Отечественная война 1812 года» собраны стихи и участников великой войны и поэтов последующих поколений. Тут Жуковский, Рылеев, Вяземский, прославленный воин и поэт партизан Денис Давыдов, дедушка Крылов, Пушкин, во время войны сидевший еще на школьной скамье и жадно ловивший вести о войне, как ловите теперь вести с фронтов вы, советские школьники, Лермонтов, родившийся уже после изгнания наполеоновских полчищ, но с детства слушавший рассказы старых воинов, и другие русские поэты.

Включите этот сборник в свою библиотечку.

«КНИГА ОБ АЛЕКСАНДРЕ»



Восемьсот лет тому назад в городе Гандже (неподалеку от нынешнего Кировабада) родился великий поэт азербайджанского народа Низами.

Много поколений читателей увлекались его великолепными поэмами. Одну из них писатель С. Мстиславский сокращенно пересказал в прозе для детей, и мы очень советуем вам, ребята, прочесть ее. Тут описано много необыкновенных приключений, походов и битв. Герой поэмы — знаменитый полководец Александр Македонский. Но это — не историческое сочинение, где описывается то, что происходило в действительности, а поэтическая сказка о добром и мудром, царе-воине, искателе истины, защитнике слабых.

Называется поэма «Искандер Намэ», что в переводе на русский язык означает «Книга об Александре».

СКАЗКИ О ХРАБРЕЦАХ-УДАЛЬЦАХ

Эту чудесную книжку прочитай вслух своим младшим товарищам, братьям и сестренкам. Но не только им, — тебе самому доставит она много удовольствия. Храбрость, находчивость, веселую удаль прославляет в этих сказках русский народ.

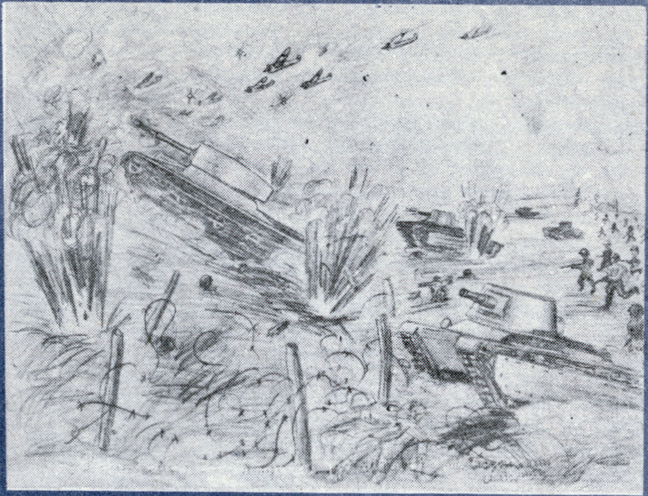
Много героев в этой книжке, и все они разные. Но есть между ними коечто общее. И малыш Жихарка и Иван-царевич, убивший Кощея Бессмертного, и победитель трех свирепых змеев Иван-Сторожевич, и хитрый веселый цыган и кузнец, одурачивший Одноглазое Лихо, и бойкий петушок — все они, хоть и из разных сказок, а товарищи между собой, потому что все они храбрецы-удальцы. Все не отступят ни перед какой силой, не согнутся ни под какой бедой. И всех их ты полюбишь, когда узнаешь, и будут они немножко товарищами и тебе.

Вот какие это славные сказки!..

Акт №
Вкладн. л.

П 29
34

Цена 1 руб. 50 коп.



„Наши атакуют"
рисунок Толи Портнягина
Новосибирская обл. Асиновский р-н, село Асино.

Ледовое побоище

Бородинская битва

Рисунки Гени Бардащук
Хабаровский край, Би-
кинский р-н, ст. Звеньевая.